

Вера Авалиани

ЛЮБОЛЬ

Маркиз и Маркиза Ангелов

Люболь

Вера Авалиани

Маркиз и маркиза Ангелов

«Автор»

2016

Авалиани В.

Маркиз и маркиза Ангелов / В. Авалиани — «Автор»,
2016 — (ЛюбоЛЬ)

ISBN 978-5-9908918-1-4

Роман «Маркиз и Маркиза Ангелов» – это щемящая сага подлинной ЛюбоЛи. В ней много страсти, нежности, горечи предстоящей разлуки на век, много надежды на силу любви, которая заставляет не смириться со смертью. Апогей счастья, неимоверные муки ревности, смерть и ... снова жизнь после смерти... Как это удалось героям романов из серии «ЛюбоЛЬ» – Софье и Клоду, вам предстоит узнать. И если вам будет интересно узнать, какой роман писала Софья для своих в тот момент еще не рожденных детей на основе их астрологических карт и что сбылось из предсказаний – тогда после этого романа можете прочесть роман в романе «Астролюдия», заодно узнав о изумляющих поворотов в судьбе многих второстепенных героев предыдущих романов, в чьей жизни творение Софьи сыграло немалую роль.

ISBN 978-5-9908918-1-4

© Авалиани В., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Предисловие	5
Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	25
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Вера Авалиани

Маркиз и маркиза ангелов

Предисловие

Тем, кто не читал две первых книги из этой трилогии – «Исполнение мольбы» и «Музыка страсти», – может быть непонятно такое название этого романа. К знаменитому французскому фильму оно никакого отношения не имеет. Просто, исполняя мольбу Софьи «дать ей ЕЁ мужчину», Ангелы привели ей Клода с другого конца Земли. И, спасая их любовь, даже дважды усиливали свое энергетическое поле, становясь видимыми самим героям и другим людям. При этом трудно назвать обоих ныне поженившихся героев Ангелами во плоти. Плоть имеет для них, по-прежнему, главное значение. Они даже снимались в фильме в качестве каскадеров в сексуальной сцене фильма знаменитого режиссера Игоря Заславского, снятого по сюжету прежнего – трагического – брака Клода.

Хотя и души этой ошеломляюще красивой пары перенесли много действительно нечеловеческих страданий вместе и по отдельности, прежде чем в их жизни наступило время беззаботной любви, но они не разучились радоваться жизни и друг другу.

Но в этом романе их мир снова будет разрушен. Пучины мира кино и шоу – бизнеса не менее губительны, чем морские. Поскольку Софья и Клод придумали трансформировать с помощью компьютера звуки секса в мелодию и Клод научился воспроизводить ее на синтезаторе, сочиняя мотив, а Соня – писать стихи к новому виду рэпа, эротическому, то, сами понимаете, какого рода интерес слушателей может им угрожать.

Любителей счастливых концов должна предупредить, что закончится все как и предполагается. То есть – смертью главных героев. Хотя и не такой ранней, как в прежних сценариях их жизней.

В прошлом романе я оставила Клода с Софьей спящими в постели в то время, как их Ангелы выясняли, что с ними делать теперь, когда обстоятельства поменялись благодаря вмешательству свыше. И им было велено сверху помогать и пытаться защищать в хорошем и не пытаться создавать что-то для них специально, потому что эта пара столько раз ломала обозначенные рамки, что ограничить их земное существование было предоставлено силам зла. А они всегда слетаются туда, где секс и деньги в большем, чем обычно, количестве.

Глава первая

Утро выдалось хмурым. Море, ворчащее за окнами дома над утесом, было в тумане, в саду недовольно кричали коты и кошки. Их там скопилось аж пять. Соня накинула на себя халат и куртку и тихонько вышла из спальни. Она спустилась по лестнице в угловой башне на кухню на первом этаже, открыла шкаф в углу и вынула пакет с кошачьим кормом и длинный поддон для цветочного контейнера, который служил кормушкой для мяукающей оравы. Коты считали себя хозяевами. Потому что поселились в подвале домика для гостей, еще когда шла стройка здания виллы, которую совсем новой купили Клод с Софьей.

На уже зеленеющих, несмотря на февраль, деревьях в саду комковато разместились клочки тумана.

Коты затихли, услышав шаги Сони, и побежали к месту кормежки: почти на краю обрыва над морем Соня выполола площадку для барбекю. А в остальных частях сада кусты, травы и сорняки разрослись вокруг дорожек густо. Поэтому, установив длинный контейнер на уже привычное для «меховой семьи» место и плеснув поверх корма воды из банки, Софья зябко потрусила обратно в дом. Залезла в постель к теплому мужу и сунула ноги ему под бок.

Клод вздрогнул и откатился. Но, проснувшись, улыбнулся.

– Котов кормила? Я в полусне заставлял себя выйти в сад. Но эти разбойники вплетались в мои сны, я будто бы даже и пошел к ним. А оказалось, что пошла ты! Прости, золотая! – и муж подвинул Соню к себе. Потом сам сполз с кровати и на корточках растер жене ступни и стал их целовать, потом поднялся губами по ноге до промежности. И тут же перешел к стадии «высекания огня» – так он называл массирование клитора Софи, которая в этот момент уже тоже растирала в руках его член.

Оба вздрагивали, порой хотели прекратить сладкую муку, но ни один не мог сдаться первым. Наконец, Клод перевернул Софию на живот, навалился ей на спину и придавил всей тяжестью.

Соня сперва подумала, что он хочет войти в анальное отверстие. Один мужчина, которого намеренно натравил ее прежний муж, однажды изнасиловал ее таким образом. Было безумно больно. Поэтому Соня недовольно завозилась, словно уходя от сексуального контакта. И Клод почувствовал ее страх.

– Не беспокойся, я не любитель анального секса. Сведи ноги. Хочу, чтобы стало очень тесно в вагине.

Но у Сони от этой позы настроение не улучшилось.

Илларион в порядке мести поимел ее так: он узнал, что ее прежний муж был в спальне его гражданской жены. И, поскольку Павел в тот момент был только что похоронен, Лари решил в отместку изнасиловать его жену, памятуя, что душа покойного еще может быть рядом в их доме. До последнего момента она тогда была уверена, что столь злой и обжигающе холодный мужчина ее прикончит, как только кончит. Соня невольно похолодела и напряглась от этих воспоминаний.

Клод, заметив ее странное состояние, тут же перевернул жену на спину и стал целовать ей горло и лизать кожу сбоку шеи. От этого у Сони забегали внутри мурашки, и она вся задержалась, как от щекотки.

Тогда Клод стал мять ее набухающую грудь и кусать соски. Все воспоминания, как и мысли, из головы вылетели. И тогда Клод вошел во влажную, все сжимающуюся в конвульсиях вагину. И егохватило движение внутрь без его усилий. Он застонал и не смог больше себя сдерживать, переходя к бурному движению, которое закончилось незадолго до Сониного удовлетворения.

Виновато поцеловав ее в губы, муж заглянул в глаза любимой.

– Я нажал не на ту «кнопку»? У тебя что-то связано с такой позой? – В голосе Клода звучала плохо скрываемая ревность.

Соня посмотрела ему в глаза и промолчала. И муж попытаться не стал.

Хоть ему и было грустно, что впервые он не угодил Софи в постели. Наткнулся на подводный камень из ее прошлого. Он не хотел о нем знать, поскольку не без оснований предполагал, что ему будет больно. А с детства, когда при занятиях спортивной гимнастикой часто оказывались содранными коленки, он знал, что болячки не надо расчесывать.

Он подтянулся на руках и стал сперва нежно, а потом все глубже и больнее целовать Соню в губы. Они набухли, он стал слегка покусывать нижнюю – она у Сони была пухлой и выгнута сердечком. Соня порывисто задышала. Он навалился на жену всем телом, придавив ее к постели и лишив пространства для маневра.

– Я – компресс на твою душу, девочка моя. Я тебя смягчаю и обеззараживаю, а потом выдавлю из твоих мыслей все и всех.

– Моя мама говорила: где гной – там вскрой.

– Я против радикальной терапии, – серьезно ответил Клод, боясь ее откровенности, – но от моральных травм тоже надо выхаживать. Я готов быть твоей сиделкой. – Он скрасил серьезный разговор шуткой.

– Сиделкой и «лежалкой», – усмехнулась Соня. Она приподнялась и слизнула каплю пота между бровями, похожими на взмах крыльев вверх, очень черных по сравнению с отливающими рыжим каштановыми волосами.

Клод сел на постели и пересадил жену себе на колени. После поцелуев в шею и облизывания верхних позвонков на спине он вошел в нее и стал подкидывать, как ребенка. Пока она не почувствовала, что внутри у нее все будто бы сковалось, завязалось узлом на его «корне» и стало этот стержень омывать. Это смешалось с его горячей благодарностью.

– Ну вот мы опять «слились», – довольный собой, сказал Клод.

Соня откинулась головой к нему на плечо. Внутри у нее что-то летало и щекотало. И внизу живота стало больно.

– Что, – почувствовав перемену, забеспокоился Клод.

– Да так, перестарались мы, наверное. Детишек потеснили.

Клод в панике выскочил из жены и аккуратно положил ее на постель, укрыв по горло простыней.

Соня засмеялась:

– Я же не простыла!

– Просто ты такая красивая, что лучше на тебя не смотреть, чтобы третий раз подряд не беспокоить плоды предыдущих усилий.

Соня прикусила ему мочку уха благодарно. И, откинувшись на подушке, задремала.

Проснулась от того, что Клод приглушенно говорил с кем-то по телефону в коридоре. Она прислушалась.

– Да, мамуля, я знаю, что такие вопросы матери не задают. Но мы в чужой стране. Так ты сможешь вспомнить, до какого месяца твоей собственной беременности вы «этим» занимались с папой? Нет, прямо сейчас прекратить я не готов... Думаешь, близнецы сокращают срок... Ну так позвони своему гинекологу... Как Соня проснется, расскажи ей по скайпу, что можно и нельзя делать на втором месяце и позже... Я не эгоист. Нам обоим без этого не обойтись.

Соня улыбнулась его утверждению. А ведь раньше, до их встречи, оба считали, что ненавидят секс! Ведь он был для них тогда преддверием смутной гадости на душе из-за совершаемого над собой насилия. А для Сони еще и сопровождался побоями прежнего мужа – Павла.

Но теперь каждое слияние стало для нее самой ежедневным подтверждением желанности в глазах Клода и одной из главных радостей жизни.

Тело пело от его ласк, в нем и правда рождалась музыка. В отличие от многих других женщин, ей не приходилось притворяться в постели. Но сегодня был единственный сбой. Да и то потому, что ее ассоциации с позой сзади и длинным, змеиным членом Лари, вползающим в нее, перебили настрой. Надо срочно заняться сексом в этой позе с Клодом – для изгнания демонов.

Но тут из смартфона Клода раздался вызов по скайпу. Встревоженные Роберта и Роберт теснились лицами у экрана в Австралии.

Роберт без всякого приветствия зарычал на сына:

– Ты, говорят, своей дубинкой побил сегодня малышей внутри мамы?!

Роберта отпихнула его лбом и прилипла буквально носом к экрану и зашептала:

– Доченька, врач сказал, что сексом активно можно заниматься до шестого месяца – если нет угрозы выкидыша, конечно. Но лучше в пять перейти исключительно на позу «ложки», чтобы живот лежал рядом, и тебе не приходилось практически ничего делать. Но при первой же боли надо сходить к врачу. Прилетай к нам, раз в Турции нет врачей, знающих английский.

Соня засмеялась, видя, как свекор протискивается в эфир, опять бодая жену лбом.

– Клод, чего молчишь! Я не дам внуков в обиду. Вдруг своими действиями ты по личику попал девочке или мальчику по яйцам.

– Папа, – возмутился Клод его серьезному выговору. Там пока еще нет ни личика, ни попки. Это махонькие эмбрионы. Мне на УЗИ они напомнили каких-то инопланетян из мультиков с этими шлангами, ведущими к ним...

– А вдруг ты им своим членом перекрыл кислород!

Тут уж, не выдержав наветов, более активно вмешалась мать Клода, Роберта.

– Клод, детка, не слушай его. Не будет близости между вами – будет с кем-то другим. Так что просто помни о рекомендациях.

Отец Клода, видно, вспомнил свою молодость, осмыслил слова жены и скрепя сердце согласился:

– Да, сынок. Даже если ты будешь держать себя в руках, то Соня будет тебя подозревать. А это куда вреднее секса...

Соня обняла Клода за плечи – такие широкие и рельефные, припала щекой к щеке мужа и сказала его родителям:

– Я не только буду ревновать. Я просто умру, если он будет держать себя в руках, как с намеком выразился Роберт. Когда он со мной, детей он не наказывает, а ласкает. Просто меня беспокоит – вдруг на моем женском здоровье теперь скажется то, что ныне покойный Павел после каждого моего сексуального акта со всей силы бил меня в живот.

Затихли все. Для родителей Клода вообще было новостью, что бывший муж был садистом и извращенцем. А у Клода комок застрял в горле.

– Знаешь, если б мы встретились, пока этот мерзкий гаденыш был жив, то протянул бы он не долго.

Соня часто заморгала, растроганная таким поворотом разговора.

– А я бы тебе алиби создала, – пообещала она.

Роберт решил перевести этот триллер в жанр комедии.

– Счастливы вы, теперь можно видеть своих детей в виде космонавтов. А когда ты, мой мальчик, сидел в ней (он пальцем ткнул жену в щеку), я только и мог подставлять лицо к животу, чтобы ты меня тронул, когда пинаешься.

Эта эскапада навела Соню вот на какую мысль:

– УЗИ записывалось на диск, так что мы можем вам его выслать быстрой почтой. Любуйтесь, сколько хотите.

Роберта молитвенно сложила руки у лица:

– Какая ты умная и добрая, деточка. А я с этим диском схожу на прием к моему гинекологу. Пусть посмотрит твой живот заодно.

– Через неделю мы едем на премьеру фильма в Москву. Там и схожу к врачу, найду хорошего гинеколога через подругу. Она играет в фильме роль Жиз. И она тоже уже беременна. От того, кто играет Клода!

– Доигрались, – опять пошутил Роберт.

– Как и мы! – улыбнулся отцу Клод.

Родители радостно закивали и отключились. А Соня по поводу предстоящей премьеры подумала, что пора завести новое вечернее платье, в которое поместится значительно налившаяся грудь, и с помощью его будет скрыт растущий животик. Она, как и ее мать, была суеверна и боялась сглаза.

– Ты у нас красавица, дочка, – вторил ей отец, – краситься и одеваться надо неярко туда, где все – серые мыши. Но обязательно будь красивой там, где все разодеты. Зависть – обоюдострое чувство. Оно разрушает и завидующего, и того, кому завидуют.

Поэтому, попав в детский дом в двенадцать лет, Соня одевалась во все мешковатое, туго стягивала волосы в прическу «конский хвост», ее вечно видели склонившейся над книжкой, а не кокетничающей с мальчишками. Поэтому ее красоту разглядел только друг-брат Ринат. Да и то всего за год до выпуска.

И вот теперь перед поездкой на премьеру, которую иначе чем «ярмаркой тщеславия» не назовешь, Соне надо было найти платье, которое и попыткой превзойти «миллионершу Вандербильт» не назовешь, но оно и не сделает беременную красавицу той, кого можно оттеснить от ее мужа. Ведь по сравнению с ним античный Аполлон проигрывает с позорным счетом.

Соня после этого разговора поднялась с постели и теперь задумчиво кормила Фредика. Тот хныкал, отказываясь от яблочного пюре из банки на десерт. Он хотел сладкого. Миша ему всегда дает шарик на палочке!

А на маму вдруг напала с утра забота о всеобщем здоровье – после боли во время секса и разговора с австралийской родней.

Миша тоже сидел с супругами за завтраком. И пил кефир с куском черного хлеба – его любимым. Клод искал на карте в интернете, где есть пункты какой-нибудь быстрой почты всемирного масштаба. Он откусывал от странного бутерброда, сделанного рассеянной сегодня женой. В нем не было хлеба, а были два куса редьки, между которыми были положены кусок мяса, перья лука и ростки петрушки из личного сада Таубов.

Травы посадили на следующий день после дня рождения Сони. Влад с Мишей расположили грядки вокруг той площадки, которую расчистила от зарослей сухостоя Соня.

Покончив с кефиром, Миша кашлянул, привлекая к себе внимание. И начал на английском излагать свой план «перестройки».

– Люди, я все думаю о том, как бы нам спускаться на пляж под окнами. Тот спуск к морю, который мы нашли, от нашего участка отгорожен утесом, уходящим далеко в море. Оттуда на наш берег можно попасть только вплавь, когда станет тепло. С другой стороны от нас –

ограждение отеля. И в нем нет калитки или проема. Да и ходить через охраняемую территорию вряд ли удобно.

– И что ты предлагаешь? – улыбнулась Соня. – Спускаться на дельтаплане, прыгать на парашюте, прорубить в скале шахту лифта и установить его туда?

– Конечно, нет! Скоро тебя, подруга, разнесет так, что на дельтаплане ты будешь похожа на динозаврика. А шахта лифта – долго и дорого, – глаза его блеснули хитро. – Я предлагаю подниматься и спускаться по узлам каната или веревочной лестнице, – съехидничал Миша.

– Классно! – завопил Фредик.

И все невольно представили его, шустро влетающего вверх по скале. А что – папа у него чемпион по спортивной гимнастике! Как говорится, гены не пропьешь, особенно если пить только молоко.

– А серьезно, что ты придумал? – Клод сделал стойку. Техника, приспособления – все это интересовало его гораздо больше, чем обустройство дома. Больше ему хотелось только Софью и музыку. Ну а перестановка мебели, цвет гардин, так волновавшие жену, ему были куда более безразличны. Ему просто хотелось, чтобы у Софи была достойная ее красоты оправа. И он не оспаривал любые ее траты на дом, даже не интересовался их размером.

– Я остановил свой выбор не на лестнице, даже пологой, а на подъемнике, какие делают в горах для горнолыжников.

Клод загорелся идеей.

– Ты – огурец! – по-русски сказал Клод, перепутав слова. Все рассмеялись. И его весело поправила Соня:

– Огурец – зеленый и в пупырышках. «Молодец» – это вылитый Миха, а если продолжать сравнение Михаила с овощем, тогда он, скорее...

– Нет вообще таких больших овощей! – перебил ее Миша решительно. И, обращаясь к Клоду, сказал:

– Не вздумай никого назвать овощем. Так называют на сленге только тех, кто либо сильно глупый, либо парализован с головы до ног.

– Ты, Миха, – не огурец, – поддержал друга Клод.

Соня потянулась, хрустнув косточками, и сняла с Фредика слюнявчик.

– Будем считать, что урок русского языка на сегодня закончен. Потому что я хочу найти здесь какую-нибудь набережную или просто центральную улицу, где расположены бутики. Нам ведь скоро ехать в Москву на премьеру. И мое декольте уже никуда не помещается из-за беременности.

– Классно, – завопил Фредик.

– Миха, обучи младенца слову «файн», «ку-ул», «клево», а то он повторяется.

– Из этого я делаю вывод, что еду с тобой и малышом искать улицу, где опустошают кредитки.

– Не думаю, что такая тут есть, – она, скорее, в Париже или Лондоне.

– Я тоже поеду с вами – отправлю маме диск с УЗИ Софи. А потом мы с тобой можем, Миша, попытаться на машине разыскать какой-то завод или мастерскую, где можно заказать мотор для подъемника, тросы, сиденья. Их можно сделать из диванчиков на двоих.

– Хорошо, сейчас зайду в интернет и проложу маршрут. Явно нужна вторая машина.

– Можем купить. Ведь джип нам подарили.

– Тебе подарили, – подчеркнул Клод. – А нам с Мишей понадобится что-то с открытым кузовом и мощным мотором.

– А, так вам нужен КамАЗ.

– Хм. Элегантно, – пошутил Миша. – Мне будет удобно в кузове.

Все опять засмеялись. Но Клод явно не мог понять шутки, поскольку не знал названий советских грузовиков.

Соня отправилась в спальню переодеваться, Миша поднялся в кабинет супругов в башню и набросал приблизительный проект будущего подъемника от руки. А Клод углубился в поиски и выписывал, что заложить в память джи-пи-эс для предстоящей поездки.

Фредик гибко слез с дивана, где его оставили, взял в руки несколько кусков колбасы и пошел в сад – угостить котов, про которых в своих радужных мечтах остальные обитатели дома позабыли. В такую экспедицию в одиночку он отправился впервые. Поэтому его особенно поразили в саду переливы радуги на росе. Это было так... красиво. Первоцветы словно чуть-чуть приоткрыли глаза, трава пригнулась, даже самая высокая, – видимо, ночью был ветер и небольшой дождь. И весь этот ослепительный мир был таким странным в своей непонятности и огромности, и малыш обрадовался, что недалеко спустился с крыльца.

Коты сами вышли ему навстречу. Они ведь умеют читать мысли. Все пятеро виляли рядом с ним, отираясь. Так что когда он вернулся домой – довольный и грязный, потому что и сам гладил самого маленького серого котенка, – Соня, вздохнув, вымыла ему руки под краном в кухне и сменила курточку.

Ругать за любовь к животным она его не собиралась. Ей было немного стыдно, что она сама забыла накормить «меховую семью». И спохватилась, лишь увидев в стеклянную дверь, как это делает мальчик-солнышко.

Как только он исхитрился дотянуться до тарелки с нарезанной колбасой! Встал на стул?

Наконец, все тронулись в «экспедицию». Первой высадили Соню с Мишей и Фредиком. Пока Клод отправляет почту, Миха присмотрит за малышом, развязав Соне руки при выборе супер-платья. А потом снова влезет джип и они «помчат по делам».

Это выражение Клод тоже произнес на русском языке. Соня им гордилась. Впрочем, как и всегда. Заметив это выражение у любимой на лице, Клод смущенно чмокнул воздух, и его губы задрожали, пытаясь удержать самодовольную улыбку.

– Сегодня ты – павлин, готовый распустить хвост на доселе неведомую ширину.

– А ты, значит, павлиниха, решившая обновить перышки.

– Само собой, воробышку или курицу рядом с тобой заклюют.

Соня подумала, что теперь их с мужем любимые всегда сравнения с животными полностью стали после брака сравнениями с разными птицами. И захлопнула дверцу их небесного цвета джипа.

Миша с Фредиком на руках уже шли по набережной. Малыш прилежно помахал маме ручкой.

– Пока-пока! – крикнула она ему вслед и наугад вошла в первый же магазин.

Он оказался похож на все остальные. Поистине роскошные ткани, чудесные вышивки в национальном стиле, униженные стеклярусом и страусом, – это все, что можно было отнести к вечерней группе.

Выйдя из третьей лавки разочарованной старомодностью фасонов нарядной одежды, Соня поискала глазами Мишу. Этот гигант хохотал вдали на лавочке, показывая Фредiku куда-то на море. Соня подошла к ним и увидела, что какая-то большая рыба выскакивает из воды все выше и выше раз за разом, пытаясь отобрать у нахальной чайки рыбешку, которую та провокационно несла к берегу прямо над водой, ехидно наблюдая за полетами кого-то вроде шуки. А еще говорят, что «братья наши меньшие» не способны на интриги и «подкалывания». Может, в них и впрямь могут переселяться наши души? Тогда ее, судя по фамилиям – Воробьева, Орлова, Тауб (голубь), – отправят в кого-то из птиц, чтобы она пожила с крыльями. Конечно, упоение полета тогда сопровождалось бы тем, что жить пришлось впроголодь, часто в холоде,

иногда мчать навстречу ветру. Словом, все как у людей. Только сама она тогда была бы еще более маленькой и беззащитной.

Фредик увидел, что мама смотрит на них с Михой, и потянул к ней ручки.

Миша тоже обернулся и помахал рукой.

Соня подошла к ним, взяла Фреда на руки и начала его подкидывать:

– Хочешь летать, голубенок мой.

– Хочу. Только Миха кидает меня выше.

Михаил смущенно втянул голову в плечи: в его представлении мамы должны одергивать зарвавшихся нянь, рискующих безопасностью их чада.

Но Соня просто передала мальчика Мише. Раз он кидает выше.

– Давайте найдем здесь лавку с тканями и мастерскую по пошиву. Я не думаю теперь, что найду что-то готовое. Уж очень все традиционно.

И они пошли быстрее в поисках нужного магазина.

Фредик возмутился: ему обещали полет. Поэтому Миша легко поднял мальчика в воздух и так и нес его над головой, все ускоряя шаг. Малыш верещал от счастья. Соне вдруг тоже захотелось визжать и прыгать. Но на набережной было много туристов, которые все обернулись на аттракцион мальчик-птица.

– Боюсь, когда я вернусь, вы оба положите бейсболку на асфальт и будете собирать в нее деньги за показ цирковых номеров. Уже вижу, как малыш крутит над твоей головой кульбиты.

– Весь в папу, – похвалил Миха, перевернув малыша в воздухе и обняв. Ножки Фреда не доходили до ширины груди весьма объемного Михаила.

– Ладно, я увидела магазин, где в витрине штабелями сложены ткани. Пошла выбирать. А вы дышите воздухом. И пусть этот маленький гимнаст хоть изредка ходит по земле, а не порхает в воздухе.

– Он еще находится, когда мы с Клодом уедем. Крепче держи его за руку. Сегодня у него настроение – прятаться. И каждый раз, как я его не вижу, у меня сердце екает и холодеет. А что уж о тебе говорить.

– Фред, не будешь прятаться от мамы? – спросила Соня. – Мама без тебя и минуты не проживет.

– Буду, – честно ответил маленький упрямец.

Ангелы переглянулись. Они все втроем увидели эту картинку, как Соня, плача, бежит по магазинам. А Фредик спрятался и уснул в кладовке, а не в торговом зале бутика.

Они обменялись взглядами. И Ангел Софьи стал внушать ей мысль, что малыш должен отправиться с мужчинами. Тогда он заснет в машине.

– Раз грозишь прятаться – поедешь с Михой и папой, – серьезно сказала Соня. – Там будут машинки. И прочие железяки.

– Ку-у-л! – завопил малыш. Соня благодарно улыбнулась Мише: он выполнил ее просьбу расширять словарный запас ребенка в сторону пусть и сленга, но английского. Их жизнь так непредсказуема, что ребенку лучше бы стать полиглотом.

Клод вернулся за Михаилом и получил в руки мальчика. Миша сел за руль.

– Я, пожалуй, отдохну за рулем. А то так крыльями намахался, пока был двигателем самолета.

Клод расцеловал мальчика, прижал к себе.

– Своя ноша не тянет, – в очередной раз преобразовал он на новый лад русскую поговорку.

Соня кокетливо развернулась и вплыла в магазин. К ней с порога бросился продавец.

– Леди хотят шифон? Вот он, – буквально пропел продавец на корявом русском.

– Поэт! – сделала комплимент Соня. – Но мадам хочет тафту. Такую, с металлическим отсветом. Нескольких цветов.

Мужчина лет пятидесяти с насквозь прокуренными зубами был явно удивлен таким выбором.

– Вы будет шить камзол? Зачем такой тяжелый материал?

Соня даже подпрыгнула от радости.

– И камзол тоже!

Она видела на подиумах мужчин в камзолах без рукавов и вышивки – сохранялась только форма. Такая вещь сделала бы Клода похожим на пирата. Или маркиза. Маркиза Ангелов!

Провозившись некоторое время, выбирая между отливающим коричневым с отблеском золота и черным с отсветом синего, она решила взять оба варианта. Выбрала коричневый для мужа вкупе с красивыми и крупными ювелирными пуговицами. А себе – светло-голубой с отливом в серебро отрез тафты и тонкий шелк чуть более глубокого голубого цвета. Ну и несколько метров золотого кружева. Чудесные ювелирные пуговицы – крупные и красивые – сами просились на их камзол.

Но к такому наряду супруга нужна была рубашка с воланом, расходящаяся на груди. И она купила черный и белый шелк на пару таких изделий.

– Вы, наверное, знаете, кто в городе шьет лучше всех? – поинтересовалась она у продавца. – Мне нужен наряд на кинофестиваль, поэтому просто хорошая портниха не годится.

– У нас, в основном, портные мужчины, а не девушки, – объяснил продавец. Живет тут один немец – он шьет на мужчин. А кто шьет платья, как надо? У него лучше спроси.

Продавец полистал тетрадку и написал Соне телефон и имя этого потного: Карл.

Глава вторая

Влад и Настя в этот день решили поваляться в постели подольше. Впервые оказалось, что и тут может быть зима: густой туман скучал в окнах, захотелось снова задернуть их шторами в цветочек, так становилось уютнее и вроде даже теплее.

От сексуальных игр – хоть они и не были сколько-нибудь разнообразными, всегда в классической позе – Настя расцветала буквально на глазах. У нее увеличилась грудь, лицо утратило мальчишескую резкость черт, кожа приобрела некое сияние. Когда говорят, что счастье красит, – это не преувеличение. Все процессы в теле усиливаются. От постоянных поцелуев и поглаживаний и пощипываний меняется даже химический состав кожи, не говоря про ее улучшающийся вид.

У нее постоянно зудели соски, она буквально не могла долго быть в бюстгальтере. Растертые и укушенные, они сладко ныли. Она даже сама начинала массировать себе грудь под душем. Ей хотелось, чтобы Влад не был таким закомплексованным из-за протеза: он старался при ней не мыться. Вот и сейчас Настя начала себя ласкать под струями воды. И получила удовлетворение. Но ей хотелось больше проявлений страсти со стороны Влада.

Сегодня они занимались сексом три раза. И стонов последний раз почти не было с обеих сторон. Ее вагина была сухой и горячей. От этого Владу было лучше, а ей – хуже. Что это – охлаждение?! Нужно ей больше секса или меньше? Кончала ли она хоть раз? Ей казалось, что временами процесс ей очень нравился, но в воображении ее и во снах он протекал лучше, чем наяву.

Настя никогда не унижалась до того, чтобы даже в интернете смотреть какие-то ролики про секс. И теперь пыталась раздобыть порно и посмотреть его, пока спит ее партнер. Но там все стонали искусственно, театрально, и все выглядело пошло.

Настя боялась сказать Владу, что ничего такого, о чем пишут в романах, она не испытывала. Но ведь они вместе еще так мало! И особенно мешает заикливость парня на том, чтобы она не видела его укороченную хирургом ногу. Это мешает ему и ей. А ведь они записывают на диктофон звуки секса. И, получается, такая монотонная мелодия, какую они высекают друг из друга, когда им будет по шестьдесят лет, их инстинкты вряд ли будет бодрить?

Девушка привыкла, что всему надо учиться. И вышла в спальню с хитрой улыбкой.

Влад улыбнулся ей полусонно и подвинулся в постели. Но Настя не легла рядом, а опустила плотные жалюзи, превратив тем самым яркий, беспощадный свет в мягкий, такой, как на закате. И поставила в музыкальный центр один из дисков с записью музыки Клода на слова Софьи. И услышала их по-новому.

На сдержанном мычании и выдохах, а не на вскриках и столах, как на других дисках, звучал такой текст, который начитывал Влад в те времена, когда они с Настей еще не были знакомы:

Чужая женщина:
И мне, и всем чужая!
Она одна, когда ее ласкаю.
Она одна, даже когда я в ней!

Самодостаточна –
– ну, или что-то вроде.
Великолепно слепленное боди,

И эта алебастровая кожа.
Вся целиком – на статую похожа.
Только ее никто не «оживил».

Она мерцает в склепе простыней.
И шелк белья такой же гладкий,
как и нагота на ней.
Но холод глаз опять меня стесняет.
Но и прохлада эта возбуждает.

И я своим «резцом» в нее врываюсь,
Я знаю, что от трения растает,
Возможно, весь крион в ее крови.
Но речи нет о страсти и любви.

Но, а пока я все еще пытаюсь,
Ее, будто сосульку, облизал я.
Ее соски как будто обгрызал я.
И что-то будто хрустнуло внутри.

Достоинствами Снежной королевы,
наверно, обладает моя Ева,
Но и сейчас, и навсегда я знаю:
Она нигде, ни с кем не возгорает!

И, хотя ни внешне, ни внутренне Настя не была похожа на героиню этих стихов, она вдруг испытала такую ревность к этой выдуманной женщине, что буквально изнасиловала Влада.

Да, они, получается, поменялись ролями – мужскими и женскими. Но она смогла сломить его разумность. Да и свою.

Иногда, оказывается, полезно представить партнера другим человеком и чтобы он представил тебя другой.

– Представляешь, на телеканале о психологии я видела выступление ученого, – казалось бы, совершенно без всякой связи вспомнила она, – он сказал, что то, что обыватель не может сделать в жизни, он вдруг может совершить, вообразив себя чемпионом. Как только включается образ, наше тело непроизвольно распределяет энергию так, чтобы соответствовать тому, что мы о себе воображаем.

Влад блаженно прищурился:

– Настя, ты – уникал. Изнасиловала, исцарапала даже, выдоила до дна – и подвела под эту вакханалию научную основу!

Настя внимательно посмотрела ему в лицо:

– Влад, найди пальцем и покажи мне эту точку «джи» у меня внутри. Я так мало знаю о сексе, всегда считала его занятием, не достойным умной девушки.

– Все, иди сюда. Сейчас нащупаю эту точку. А тебе пора бросить теоретическую физику и начать курс психологии.

– Или, еще лучше, генной инженерии. Это еще интереснее. – Настя вырвалась из его объятий. Глаза снова загорелись. – Представляешь, ученый в Гонконгском университете сделал бинт из стволовых клеток! То есть, быстренько их твоих собственных клеток кожи выводят субстанции, заливают ее в рану – и рана заживает без рубца. Пока они видят применение такого

бинта только в травматологии. Но прикинь, если залить такой субстанцией все здоровее, но не молодое лицо или даже тело, – это же мгновенно безоперационное омоложение! «Корсет» из родных клеток! – Владу тоже передалось ее возбуждение.

– Ух ты, правда есть такой био-бинт? И можно купить лицензию на производство?

– Не знаю, может, пока идут клинические испытания.

– Давай я попрошу отца купить нам разрешение на производство этого «клеточного бинта»?

Оба переглянулись. Настя скисла: все же криминальный авторитет в роли ее благодетеля нравился девушке не очень.

– Сами мы не потянем! Речь идет о миллионах «зелени», – убеждал ее жених.

– А мы на дисках заработаем с записями Сони и Клода. Ведь они будут получать от продаж только тридцать процентов. Вот и накопим.

– Ну, ты и бизнес-леди, а на вид – пацанка! Зато теперь от тебя прямо жар идет! Это у тебя от предвкушения прибыли или от секса?

Настя сердито стукнула его подушкой по груди, чтобы в глаза не попасть.

– Я с тобой говорю о серьезных вещах...

– А я с тобой ими занимаюсь. Делаю скульптуру нашего ребенка у тебя внутри «моим резцом», – так же серьезно ответил ей Влад.

– Ты же хотел сначала сделать себе ногу, а потом все остальное.

– Будем работать параллельно над двумя проектами.

Ангелы Влада и Насти были больше довольны своими подопечными, чем Ангелы Клода и Софьи: оба они разумные, спокойные. Они за них, в принципе, не опасались. Они даже разленились. Не заглядывали на большую перспективу в ленту их судеб. А зря.

Впереди у молодых была свадьба в городе, где живут отцы, к которым оба они относятся неоднозначно. Они ведь по разным причинам бросили своих детей. И ни Влад Иллариону, ни Настя Артуру этого не простили. И события предстояли такие, что им бы уже строить планы защиты, срочно просматривать ленты судьбы. А они ограничились тактическими поступками, считая, что рано думать о стратегии конца. А ведь именно их подопечные оказались в зоне наивысшего риска...

Илларион тоже в этот момент думал о свадьбе сына. И вспоминал его мать, которая так и осталась без свадьбы – по вине бездушного красавца, каким он был тогда. Впрочем, он не раскаивался ни в чем. Но все же, когда Лиза рассказала ему по телефону о том, как пьяный водитель искалечил ногу его сына, которого он и видел-то два раза: в три годика и на фото, когда отправил его тайно от всех на обучение и работу в Силиконовую долину.

А так мальчишка рос без материальной поддержки со стороны Лари. На этот раз – по вине своей матери. Гордая очень, чрезмерно правильная. Красивая и назидательная. Учительница – одно слово. Но с такими формами, как у нее, просто нелогично было оставаться честной женщиной, как она ни стремилась. И Илларион, в то время совсем молодой, привыкший пользоваться своей внешностью и деньгами, слегка потрафил «упертой девственнице», сказав, что она – любовь его жизни, что только с ней... И так далее.

У него был на вооружении набор «нектаров в уши». У этой, он сразу понял, пунктик на том, что она должна исправлять чужие ошибки не только в тетради. Поэтому он рассказал ей настоящую историю своей жизни: вкратце. И она отдалась, чтобы у них появился ребенок, который заставит парня стать мужчиной. Но это не помогло. Потому что изначально исправ-

ляться в планы Лари не входило. И Лиза, как и полагается, почувствовала себя «бедной Лизой», от денег на ребенка отказалась. «Не откупайся», – горько съязвила она. Он и не стал.

Лиз таких у него было – по одной на городской квартал. Но почему-то все же приехал он тогда в Горький посмотреть издали на мальчика в песочнице. Тот оказался хорошеньким блондином, похожим на мать. Словом, он увидел ангелочка, а не чертенка, как ему хотелось. Так что больше попыток рассмотреть отпрыска (единственного пока) он не предпринимал.

Но через несколько лет Елизавета все же обратилась к ставшему богатым Иллариону Гурии с просьбой – обучить парня какой-то специальности, с которой он не пропадет. Нашла бывшая любовница Иллариона в списке миллионеров, потом – в социальных сетях. И Лари дал ей денег, сообщив, что знать ничего ни о каких детях не хочет. Но с той поры следил через своих людей за успехами парня. А они были. И нанял его пару раз через посредников для выполнения неопасных работ в Штатах, так, по мелочи. Но заплатил ему щедро.

Впрочем, никакого желания искупить вину за этим не было. Просто грузинские традиции, которые вошли в гены, требовали отвечать за детей, даже если интерес к другим женщинам отстраняет от интереса к их матери. Это вообще свойственно всем южным приморским мужчинам во всех концах света. Их любовь к сыновьям, как и подобает эгоистичным мачо, – скорее, любовь к себе самим в молодости. А если не находят в мальчишках свои черты внешности, то отношение к сыну становится, как к конкуренту.

Когда в США его отпрыск лишился части ноги, то он нашел виновника, переехавшего ступню парню и разможившего его. И убил.

Вскоре умерла мать Владислава – осложнение после гриппа. И Илларион счел себя обязанным втянуться в заботу об инвалиде. Не мог уронить свой авторитет в глазах Георгия – единственного, кто знал в группировке, что у Лари есть сын, – не отомстив за его увечье.

И только то, что Влад стал таким успешным в написании программ и хакерстве в том числе, дало отцу повод поближе узнать сына, будто бы только как специалиста.

И то, что Софья и Клод решили Владиславу доверить тиражирование и распространение дисков, давало повод отцу взять сына под свое крыло. Сделать вид, что он – крыша успешного «бизюка». Впрочем, кто его знает, станет ли он успешным?

Илларион позвонил Гие, потому что у него созрел план, как отдать Владу часть своего капитала легально и заодно отмыть для него эти деньги.

Георгий собирался в комнате охраны просмотреть видео слежки за основными двумя потенциальными конкурентами Лари в новом для него деле. Пока они занимались только порнографией на фото и видео. Но могли заинтересоваться и новым видом деятельности в виде эротического рэпа.

И нужно изучить будущих новых врагов. Поэтому Гия отрядил двоих своих людей – Сашка и Макса – «поводить» тех, кто пока не подозревает даже о существовании нового направления в музыке, пока они не бдят, чтобы узнать их привычки, распорядок дня, связи вне их группировок.

Георгий еще только собирался посоветовать на общем сборе взять на себя «крышевание» нового вида деятельности. Но он всегда старался «работать на упреждение». Он только вставил диск с результатами слежки за Роландом, как на иностранный манер величал себя Роман Суриков. И тут – звонок шефа.

– Что-нибудь захватить с собой или от меня ничего пока не требуется? – обтекаемо поинтересовался Гия.

– Собери мозги в кучку, – пошутил родственник, – это касается задумки Клода и Софьи.

– Тогда у меня уже кое-что есть для мозгового штурма.

– Отвыкаю штурмовать, все больше захватываю хитростью, – перед тем, как отключиться, пофилософствовал Илларион.

Домик, в котором жил Лари, был огорожен забором, имел будку с охраной на входе. Но выглядел неброско. Одноэтажная гостиная, совмещенная со столовой, граничила с двумя спальнями и кабинетом. Но это была только надводная часть айсберга. В нижний дом входа из нее не было. Ни потайных дверей, ни люка в подвал. А был отдельный вход через крытую беседку, где стоял мангал и скамейки для летнего отдыха. И вот там был бункер, в который и с гранатометами не прорвешься.

Запасы еды на год, скрытые кондиционеры, две спальни. Знали о бункере только они с Гией. И больше никто из братков – ни рядовых, ни высокопоставленных, ни представителей легального бизнеса. Не знала о бункере даже Нана. И вот туда позвал Гио Илларион.

Так что, войдя во двор, кузен шефа и его начальник охраны вошел в слепую зону камер, им же организованную, развалился в беседке на скамье. И прямо на ней, нажав механизм углубления, съехал вниз, как на лифте.

Сверху на месте скамейки встала деревянная плита, точно стилизованная под пол. Сойдя со скамьи в этом подземном «сейфе», для изготовления которого нанимали при строительстве голландцев, огораживавших беседку ширмами из полиэтилена. Они думали, что делают тайное гнездышко для местной рок-звезды, призванное защищать от папарацци.

И дом Лари был «записан» на реального певца, который, впрочем, не подозревал, что этой недвижимостью владеет.

Гия был доволен, что разговор их никто не сможет подслушать и вообще никто не будет в курсе того, что он состоялся. Ему отчасти хотелось помочь племяннику устроиться в этой жизни. Но даже себе он не признавался, что стал очень горячим поклонником команды Софья – Клод. На первой ее свадьбе ему понравилась Сонечка. Как и Виктор тогда, он девчонку пожалел. И ему понравилось, что она, по сути, победила в истории, из которой выхода не было – когда узнал после гибели Павла всю подоплеку событий. Восхитился даже. Но с момента появления в ее жизни Клода эти двое стали им восприниматься, как одно целое. То есть он был влюблен не в кого-то из них, а именно в их любовь.

Ему на сороковом году жизни законченного циника довелось встретить опровержение всех его теорий. И произошел некий слом – он стал защищать эту пару от всех. И даже... от себя, не говоря уж о том, что от кузена и работодателя Иллариона.

Он бы удивился, если бы где-нибудь прочел о том, что он такой не один, – очень многие люди, состоящие в браке, полюбили в свое время не столько партнера, сколько проявления его любви.

Есть и такие, кто, как бисексуал, любит пару по отдельности – и мужа, и жену. Но наиболее редкий тип любви к паре – это как раз восхищение отношениями. В данном случае они явно не приторно-сладкие и не напоказ.

Георгий догадывался, что Влад тоже полюбил союз этих двоих «голубков». Но для него это был пример, как мужчина должен любить женщину, – сам-то он вырос без отца. А для Гии такая любовь к кому-либо после его жизненного опыта – невозможна.

Но даже он попытался полюбить девственницу. Но она-то клюнула на его отличную машину и квартиру в центре. Не умеет он закрывать глаза на такие вещи. Поэтому с большим удовольствием отдал девчонку Лари, которому даже в голову не приходит думать о тех, кто рядом с ним. Дырка. Большая грудь. Навыки извлечения удовольствия из тела мужчины. Этого достаточно, чтобы какая-то «незаразная Зараза» прижилась на какое-то время на его территории.

Поэтому Наталья оказалась в спальне особняка Иллариона Гурии. И ее Ангел-Хранитель каждое утро убеждал уехать домой, пока не поздно. Но девушка «закаляла себя», как она называла красивую жизнь в обмен на циничный и грубый секс без будущего. Лари причинял ей боль, смотрел на нее, как на надутую куклу. И никогда не называл по имени.

Гия прошел в столовую бункера, куда Лари сам захватил бутылку грузинского вина, целую головку сыра и пучок зелени. Это они и употребили за разговором тет-а-тет, отрезая от сыра по ломтю антикварным кинжалом.

– У, ты принес вино, которое старше тебя. Что это ты отмечаешь? – отхлебнув прямо-таки шершавую от ягодной мягкости ароматную жидкость, поинтересовался Гия.

Лари усмехнулся.

– Дедушка делал. Помнишь его вина?

– Я тоже сохранил одну бутылку. Но даже не представляю, по какому случаю решусь ее выпить.

– Сын сказал, что женится на девчонке, которую ты ему послал. Распишутся тут, когда Сонька с Клодом приедут на премьеру фильма.

– Вах, шени деда! – сказал Гия ругательство по-грузински. – Жениться-то зачем! Я ее послал, потому что девка не тупая, не охотница на женихов. А она...

– И мне так показалось – девчонка серьезная. Надо брать. Я отговаривать парня не стал. Представляешь, что она придумала: собирать «стволовые клетки любви» в виде стонов в первую совместную ночь. Записывать их каждой паре и употреблять для стимуляции потом, когда страсти в браке пройдут. Возрождать любовь. Это она придумала после того, как прослушала эро-рэп Клода и Соньки. Я сам еще не слушал, думаю на премьеру фильма сходить. А ты?

– Я слушал одну вещь. И прямо скажу – такое надо продавать вместе с презервативами в аптеках. Все шевелится и встает.

– Но, может, это потому, что ты видел Соньку и Клода в реальности, а девчонку еще и на том видео, которое Пашка записывал. А если они не хотят к этому делать картинку, то как это будет продаваться, кто захочет ограничиваться аудио, когда столько видео на эту тему.

Выдержит ли эро-рэп конкуренцию? Влад сказал, Таубы хотят, чтобы он создал свою звукозаписывающую студию и поставил производство записей на поток за очень хорошие проценты – до семидесяти. Я думаю, ему оставим пятьдесят, а двадцатью он со мной поделится. И будет считаться, что наша группировка «крышует» новое дело. Заодно мы отвадим возможных конкурентов. Как думаешь, «отобью» я свои вложения? Или это во мне проснулся папаша?

– Ну, что он проснулся – ничего плохого нет. Хотя один основной инстинкт да есть у тебя! Еще лучше, что ты не сообщаем никому, что Влад – твоя кровь. Это поставит его в опасное положение. Тайно помогать, делая вид, что «крышуешь», – без лести скажу тебе, ты – стратег, каких мало. Мне это и в голову не пришло бы, – покривил душой Георгий, который придумал почти то же самое, только с уклоном в сторону защиты интересов Сони и Клода. – Но я вижу тут пару проблем, – продолжил Георгий, – именно о том, как их решить, я и пришел поговорить.

Лари молча жевал сыр, внимательно вглядываясь в лицо двоюродного брата, которого уважал за хитрость и скрытую за ней храбрость. Это его качество не раз помогло группировке уворачиваться от прямых столкновений.

Гия продолжил, сделав паузу на смакование напитка и искреннего закатывания глаз от невозможно прекрасного «букета» вина.

– Одну проблему – эксклюзивности авторских прав – Соня с Клодом решили добровольно, буквально подарив их Владу в договоре на производство дисков. Они сделали это именно для того, чтобы на них не наезжали по этому поводу те полукриминальные структуры, которые распространяют порнографию. У них – ребенок, и скоро будет двойня, так что они согласны на меньшие деньги, чтобы никто их не беспокоил. Хотят заниматься только творчеством и больше ничем. Картинки к музыке с их участием не будет. Но без них новую отрасль не раскрутить. Пусть хотя бы после премьеры фильма дадут интервью в крупнейших изданиях и на телевидении. Все такие интервью давно платные для новичков. И нужных средств у них нет. Придется нам взять это на себя.

– Не вопрос. Сделаем это от имени студии Влада – заплатим официально всем, кому надо, и сколько попросят. С откатами, разумеется, – согласно закивал Лари.

– И еще, – продолжил Гия, сделав жест рукой, чтобы кузен не сбивал его с мысли. Он им впрямь только сейчас придумал, как раскрутить студию Влада:

– Давай отмоем деньги от подпольных казино, якобы купив у Влада огромный тираж его дисков. И будем раздавать их и на премьере фильма, и после нее – в аптеках вместе с презервативами, такая будет рекламная компания. И еще сделаем вид, что диски принесли Владу мгновенное состояние. Это позволит тебе в качестве отмывания денег сделать богатым своего ребенка и создать имидж успешности самому эротическому рэпу и новой звукозаписывающей компании.

Владу тоже нужно будет организовать интервью в каком-нибудь издании типа «Коммерсантъ» или в «Форбс». Отобьются эти деньги или нет – они останутся в семье.

Но, думаю, у такой музыки будущее сравнимо только с перспективами таблеток виагры.

– Мне бы хватило и перспектив поп-группы с таким названием. Думаю, если доходов особых не будет, я просто сделаю вид, что у Влада отобрал его бизнес для группировки – в наказание за неуплату долгов.

– Что ж, ты опять все предусмотрел, – Гия остался доволен тем, что тема отчисления тридцати процентов Таубам по контракту не всплыла. Но он рано радовался.

– Но надо как-то выкрутиться, чтобы не платить Соньке с мужем их тридцать процентов хоть с этой суммы.

– Они же не в курсе, что это твои деньги и Влад – твой сын. Так что могут затребовать их через суд или расторгнуть контракт из-за несоблюдения договора одной стороной.

Илларион выругался.

– Ну и что ты предлагаешь? Озолотить их вместе с сыном? С какого перепуга?

– Вообще-то в такую сумму на Западе оценили бы только их авторские отчисления. Поэтому по дружбе они дарили такую сумму Владу. А ты ее просто вернешь. С ними выгодно иметь дело. Они еще что-нибудь новое придумают. И уж тогда мы их помимо Влада обложим с накруткой. А?

Илларион молча уставился в глаза кузену. Влюбился он в Соньку, что ли?

– Из-за того, что эта девка врала про «приходы Ангелов», ты ее теперь защищаешь или просто втюрился в нее? С чего это ты все время отваливаешь ей от моих доходов с барского плеча.

Гия так же, не моргая, уставился в глаза Лари. И в глазах загорался гнев.

– Разучился я влюбляться, – довольно резко отбрил он Иллариона, – и советовать тебе больше ничего не буду: мое дело охранять тебя физически. А не финансово. И уж тем более обогащать племянника я не обязан. – Желваки заходили у него на щеках, поэтому Лари решил спустить конфликт на тормозах.

– Разучился, говоришь, влюбляться. А я вот никогда и не умел, – немного демонстративно осклабился он.

И Гия в который раз подумал, какая злая красота у его брата. Он будто родился для роли преступного авторитета. Неужели права физиогномика?

– Ладно, – продолжил Илларион уже приказным тоном. – Делай, как договорились. И Сонькину брехню про Ангелов используют пусть журналюги. Народ любит всякую чертовщину.

Гия благоразумно не стал возражать боссу.

Просто взял под козырек только что нахлобученной бейсболки, вытянувшись в афронт.

– Ты разве в армии служил? – удивился кузен.

– Конечно, – ответил Гия. – Просто ты тогда мной не интересовался – родня из Грузии понадобилась в девяностые.

– Уел, – усмехнулся Илларион недобро, – да и ты меня в тюрьме тогда не посещал.

– Уел, – ответил Гия, засмеявшись. – С тобой суммы на СМИ согласовывать?

– По мне, так в этом случае «меньше знаешь – лучше спишь», – ответил Илларион, как всегда двусмысленно. Понимай, как хочешь.

Оба они знали, что Лари каждую трату брата проверяет через бухгалтера.

– Кстати, нужно присоединиться к подготовке к свадьбе Влада. Пока этим занимается отец невесты. А у него кредит на квартиру, так что свадьба будет скромной.

– У Влада благодаря тому, что ты переведешь на его счет деньги на студию и за якобы уже готовые диски, у самого появятся деньги. Наши – не свети. Подари ему «однушку» в Москве от себя лично. Мол, хочешь его повязать благодарностью, как перспективного «бизюка». Ну, ты же умный, сам придумаешь. За мной не заржавеет.

– Вернешь половину за подарок. Все же это единственный отпрыск нашей семьи.

– Ну, ты не можешь быть в этом уверен, – засмеялся Лари, припомнив, каким лихим ловеласом приехал Гия в Москву из грузинской деревни, как ахал при виде красоток, которых тогда в Москве было просто немеряно, еще весь мир их не разобрал по странам и модельным агентствам.

Так, смеясь, они и поднялись на скамейке вместе в беседку. И разошлись по делам.

Отец Насти Олег Иванович в этот момент проснулся в постели один. Подушка рядом пахла потом и сладкими духами «Эйдол». Понюхав ее, Олег улыбнулся от счастья. Из его мыслей о себе пропало отчество после имени с тех пор, как он женился на молодой.

По утрам у него даже морщины теперь стали не видны. Он стал тайком пользоваться женским кремом с эффектом подтяжки. Так что его истинно профессорские черты лица стали резче, задорнее, чем были в прошлом благородном браке. Волосы его не поредели, красиво серебрились пряди седины в жесткой, торчащей вверх шевелюре.

Молодая жена заглянула в спальню чмокнуть его в щечку. Окутала ароматом распущенных волос и строгого платья. Карие круглые глаза, которые будто постоянно выражали удивление, были подкрашены под Одри Хэпберн. Только шея у нее была другой формы – более прямой, как и плечи. В остальном она пыталась походить на свой идеал.

Танюша нынче пребывала в радостном предчувствии появления в офисе в новых красных туфлях. Их она наденет в прихожей, чтобы не провоцировать мужа на утренний секс. Удовлетворение во всех смыслах ожидало ее по месту работы.

Туфли были легкими и узенькими, обрезанными по краю и без перемычки, заканчивающимися округлой пяткой. Ножки в них были фигурно вырезанными, такими соблазнительными, что иностранный босс их конторы – Тэд Роял – явно захочет их разглядеть получше,

опрокинув Танюшку на свой антикварный стол, и они долго будут содрогаться в бешеном ритме у него перед глазами во время «совещания» с «нашей милой Танечкой».

Босс «очень женат» – на той, кто создала его начальный капитал. И поныне он связан с мадам Надин жестким брачным договором. Поэтому свадебных перспектив с ним у Татьяны Разиной в принципе не намечалось. Но как же он хорош!

Кстати, жена его требовала, чтобы на работу муж принимал только замужних женщин. И Татьяна, как супруга крупного физика-теоретика, ее устроила. Ведь зарубежная бизнес-вумен не знала, как мало получают в России ученые, она думала, что пустоголовая шатенка будет держаться за своего именитого супруга. Но Татьяна была хитренькой, «держала за яйца» и мужа, и любовника. «Ласковый теля двух мамок сосет». И случае Танюшки это так и было.

Свою зарплату она копила, на ту же карточку падали регулярные премии шефа. А на второй – общий с мужем – счет, она клала по минимуму, выдавая эту сумму за зарплату.

Приходилось красотке сдирать бирки с того, что она ухитрялась покупать себе в бутиках, и выдавать вещи за китайские подделки, чтобы муж не изумлялся дороговизне одежды.

Таня делала вид, что копит на шубу, которую ей уже два месяца назад привез любовник из Парижа и повесил пока в шкафу квартиры в Москве, которую снимал «для шалостей», в плотно упакованном виде, чтобы «залетные» подружки на нее не позарились.

Время «бабочек-однодневок» было вечерним. А с Таней он занимался сексом исключительно на работе.

Выглядел Тэд прекрасно, пах – еще чудеснее. От Татьяны требовал являться на совещания ровно в десять – второй после бухгалтера (с которым и правда занимался делами). Таню он заставлял раздеваться полностью, никогда ее не целовал в губы и не растрепывал прическу. Делал все горячо, но однообразно, не заботясь о том, чтобы предохраняться, – внешне он походил на Таниного мужа, только был на пятнадцать лет его моложе. Поэтому иногда Таня успевала получать оргазм. Но гарантированно она получала его дома, с мужем. Но никогда любовнику не хвасталась этим.

Уходила из кабинета шефа сдержанная внешне, но внутренне разогретая. И ровно в шесть муж забирал ее домой, стратегически не давая ей делать вид, что пришлось задержаться на работе. Он, как умный мужчина, опасался приставаний к ней коллег мужского рода. Поэтому еще до ужина Танечка седлала его, как скакуна, и танцевала на его члене, пока у них обоих искры из глаз не сыпались. А уж потом они ели что-нибудь, приготовленное Олегом.

Предыдущая жена – мама Насти Лилия – была женщиной красивой, вальяжной и чувственной. Но не страстной. Поэтому когда он встретил напористую студентку без всяких комплексов и без всяких моральных метаний, то она его сразу стала «объезжать» в сексе. И он раскрылся в полной мере только недавно, до этого все много лет было удобно и умеренно.

А тут Танюшка, когда пришла к нему на консультацию – впрочем, оба они знали, на какую, – вечером в аудиторию, сразу села преподавателю на колени. Тот отпрянул, встал. Снова сел. Снова встал – пошел и закрыл дверь на ключ. И уж он довел девчонку до звезд в поднебесье. Охранники стали в дверь стучаться, услышав вопль удовлетворения девушки. Она открыла дверь и сказала, что была тут с парнем. Охранник рассердился, обещал пожаловаться. И сделал это – рассказал в тот же вечер... Олегу Ивановичу, когда тот выходил из вуза. И тот обещал наказать виновницу.

Поэтому «консультировать» стал ее преподаватель каждый вечер. И уж так он вколачивал в нее знания – не важно, какие, – что уже скоро оба не представляли, что это может закончиться!

Поэтому Олег Иванович решил уйти из семьи, оставив дочери с бывшей женой двухкомнатную квартиру в центре, а сам взял кредит под однокомнатную квартиру в хорошей новостройке. Поэтому то, что Татьяна вышла на работу, хоть и не по специальности, а поваром в иностранную компанию, где нужно было готовить обед из двух блюд на шестнадцать человек в условиях обустроенной кухни и накрывать шведский стол из покупных пирожных, чая и кофе на «файф о'clock» в 16.30, его очень устраивало из-за притока денег. Хоть на ее одежды тратиться не приходилось.

Было ли все это настоящей любовью? Или удобным балансом интересов? Оба супруга не задавались философскими вопросами. В конце концов, они по образованию – физики.

Весть о свадьбе дочери Насти сообщила ему бывшая жена. Говорила она сквозь зубы. До сих пор злилась на бывшего, что он оставил ее одну и без гроша «на старости лет», хотя ей было всего сорок два, а выглядела она на тридцать два. Настя была не в счет – она стала всюду подрабатывать, ведь отец прекратил даже финансирование ее учебы из-за того, что ввязался выплачивать ипотеку.

– Я, наверное, не приду, – ответил Лилии Антоновне бывший супруг, – вы обе меня возненавидели, Настя бычится. Что мне там делать, на этой свадьбе?

– Вести невесту к алтарю.

– Даже так! – тяжело вздохнул Олег Иванович. – Она же физик, какие при этом могут быть венчания в церкви! Что за мода пошла. – В голосе его звучала досада.

– Ты должен, – жестко отбрила его Лилия, – у жениха отца нет, он тебя не сможет подменить.

– Ладно, пришли мне на телефон время и адрес венчания, – чуть оттаял Олег Иванович, представив себя во фраке, с красивой сединой на свадебных фотографиях дочери.

Но сама Настя вовсе не была рада тому, что мать занялась подготовкой свадьбы и папочку с его «козой» позвала. Она именно так и сказала расстроенной Лилии Антоновне по скайпу.

– Дошла бы я и без него к алтарю, не споткнулась бы! – Она чуть не заплакала, подумав, что отец придет не только в ЗАГС, но и в церковь. – Его же придется и в Турцию тогда позвать, а я не хочу его знакомить с Соней и Клодом. Да еще припрется с этой «куклой», которая меня всего на четыре года старше.

– А может, Настя, он увидит твою Соню, влюбится, Танька разъярится и бросит его. Тогда он помыкается по углам! – мстительно сказала Лилия Антоновна.

– Ага, да у тебя план есть, как его вернуть! – съязвила дочь.

– Не будем спорить. Все равно все будет так, как будет, – вздохнула женщина, – может, я надеюсь на твоей свадьбе турка окрутить. Чтоб возвращаться твоему папаше стало некуда.

– Организую это для тебя. Тут есть нотариус по имени Джем. От такого глаз не оторвать. И я попрошу его назло папаше за тобою приударить на свадьбе.

– Океюшки, – пропела Лилия Антоновна, – не подведи, доченька!

Он тут же решила купить платье и начать худеть. Хотя и не была бесформенно толстой, а просто «гладкой». «Укатистой», как выражается в популярной телепрограмме о моде одна из ведущих.

Но первая мысль о любовнике приводит даму ее возраста к мысли о складке на талии. И то, что она может соблазнить красавца-брюнета хотя бы и понарошку, ее подбодрила. Появился стимул к жизни. Пусть и временный, и не настоящий, а суррогат. Но реванш мог состояться, особенно если его хорошо подготовить. Лилия распахнула халат и уставилась на белую, гладкую, тяжелую грудь и округлые плечи.

– Идем за кружевным бельем, – решила она вслух. И прозвучало это как готовность штурмовать крепость.

Глава третья

Миха с Клодом объехали несколько мастерских, где раз за разом показывали нарисованный Михаилом эскиз подъемника, объясняясь с владельцами где на английском, где жестами и с помощью рисунка. Так они оказались у архитектора в центре города.

Мужчина оказался очень холемым, сидел в прохладе богатого офиса, как падишах в гареме, состоящем из симпатичных сотрудниц. Клод и Реваз поболтали о том, как чудесно жить и работать на море. И архитектор дал Клоду электронный адрес компании в Австрии, которая занимается производством лифтов и подъемников. Мастерские в Аланье за такое дело не брались. Они специализировались на ремонте. Впрочем, иметь дело с европейскими производителями было легче и надежнее. Так что друзья позвонили Соне, которая ела мороженое в кафе на набережной, поставив пакеты с купленными тканями у ног, чтоб не забыть.

В джипе проснулся малыш и заплакал, осознав, что он оказался один. Так что, влезая на заднее сиденье, Клод чувствовал себя виноватым: надо было бы по приезду на встречу взять малыша на руки и отнести в офис архитектора.

– Прости, родной, – обнял он мальчика крепко и вытер ему слезы полкой его майки. Тот взобрался на колени и выдал по-русски:

– Маме скажу.

Поняв, что отец не понял его угрозу, он повторил ее на английском.

– Нет, только не это! – шутливо взмолился Клод.

– А что? – уже деловито поинтересовался начинающий шантажист.

– Подброшу тебя много раз, чтобы ты меня простил.

– Сейчас! – торговался малыш хорошо. Клод снова вылез из машины и стал подбрасывать мальчика высоко и ловить его «с оттягом». Фредик верещал, щеки разгорелись от восторга.

Миха высунулся из окна машины:

– Полетели к маме, мальчики. А то к ней кто-нибудь начнет в кафе клеиться.

– Клеиться – это как? – любознательный мальчик спросил Михаила.

– Вырастешь – научу, – пообещал Михаил и включил машину.

В кафе на набережной к Соне никто не подсел, опасения Миши были напрасны. Всей компанией загрузившись в джип, они поехали обедать в рыбный ресторан с видом на море. Его Миша заметил только что, когда возвращались за Софьей.

Столы в кафе были на редкость брутальными, сколоченными из толстых грубых досок. Мужики, готовившие рыбу и креветки на гриле, были «не по делу» мощными, бритоголовыми. Неужели местные «сидельцы»? Но выяснять их биографию мужчины не стали, а Соня за всех сделала заказ, просто показав пальцем на то, что выбрали муж и Миха. Хозяин молча кивнул и отошел к грилю. Когда малыш слез с колен Клода и подбежал к нему, привычно зацепился за ногу новой жертвы своего обаяния.

– Как будет на турецком рыба? – поинтересовался он по-русски, потянувшись к грилю ручонкой.

– Не знаю, – ответил ему мужчина. – Я сам из Молдавии.

Услышав русскую речь, Миха подошел к нему, пожал руку, представился. Поднял мальчика на руки.

– Трудно тут прижиться? Мы купили дом неподалеку (он мысленно уже ассоциировала себя с виллой).

– Нам было трудно. Турки предпочитают покупать у своих. Но летом выживаем благодаря за русским клиентам.

– А можете нам каждый день обед доставлять и ужин?

Мише явно надоела примитивная еда в доме Таубов. У Сони с кулинарией так и не заладилось.

– Будем рады новым клиентам.

Соня тоже подошла, подслушав их разговор. И по просьбе парня, назвавшегося Иваном, написала адрес виллы.

Клод остался сидеть, просекая ситуацию и понимая, что парни явно с английским не в ладу. Но на последнем этапе он встал, расплатился за обед и дал им пару долларов впрок. Все показывало, что дела у парней пока шли плохо, и им надо было денег на покупку продуктов. Иван и его брат, Леша, наконец, улыбнулись ему. Раньше, видно, приветливость казалась им холуйством. И Клод это почувствовал, пожав обоим руки на прощание.

– Вино молдавское хотите? – вслед Мише задал вопрос Леша. – У нас есть.

Миша вернулся, отпил из стаканчика, протянутого ему вторым братом. И, жестом попрощав друзей его подождать, купил аж двадцать бутылок.

– Решил напиться? – присвистнул Клод, увидев его с двумя ящиками спиртного у машины.

– Пригодится на твой день рождения и свадьбу Влада и Насти, – сказал практичный Михаил. – Чего метаться потом по магазинам. Что-то и Махмуд нас не навещает, – вдруг отметил Миша, ставя ящики в багажник. Раньше-то все обитатели виллы ежедневно общались с владельцем небольшого супермаркета неподалеку. Да и его молодая жена приходила к Таубам на уроки русского языка.

– Жена его в Клода влюбилась. Он еще не знает, что и объяснилась с ним.

– Как? Она же ни по-русски, ни по-английски – ни слова, ни полслова? – еще больше удивился Михаил.

– Сердечки в воздухе рисовала и слала воздушные поцелуи.

– И вы восточному мужчине об этом рассказали?!

– Нет, конечно. Он сам «просёк» про ее чувства. И мне рассказал, – возразила Соня, – я ему пообещала, что не буду звать Арну к нам домой. И Клод, отвергнув ее, передал через жену мужу диск с нашим эротическим рэпом. С тех пор мы не виделись.

– Но на день рождения-то надо их позвать. Уж не кинется Арна на Клода при всех.

Компашка загрузилась в джип и поехала. Соня задумалась над предыдущими словами и велела остановить машину у магазинчика Махмуда.

– Я одна зайду их пригласить на праздники, – сказала она Клоду с Мишей.

Так и сделали.

Махмуд сидел за кассой и отпускал посетителям товар. Два пожилых англичанина, явные геи, покупали кусок мяса и консервированный горошек. Магомед, морщась брезгливо, взял у них деньги. Многие мужчины из бывшего «совка» до сих пор не лояльны к гомосексуалистам. Соня дождалась, пока они уйдут, взяв за это время батон любимой колбасы.

– Приходите вместе с Арной 20 февраля на день рождения Клода. Заодно свадьбу там же на крыше отпразднуем – Влад с Настей в Москве распишутся и обвенчаются, но застолье будет тут. Решили накрыть столы на крыше. – Махмуд покивал головой, выражая согласие.

– И еще, когда мы с Клодом вскоре уедем на премьеру фильма в Москву, вы с Мишей заведите все продукты на праздник из твоего магазинчика, ладно? – продолжила залечивать душевные раны бизнесмена Соня. – Деньги могу оставить прямо сейчас.

Соня вынула пачку турецких лир и три сотни евро и положила возле кассы. – Если не хватит – Миша добавит. Надо еще купить пластиковые столы и стулья, чтобы они могли так и оставаться на крыше.

– Придем, обязательно придем. Ваш эротический рэп все уладил, – обтекаемо успокоил Софью Махмуд, покосившись на дверь в подсобку. – Да и сама Арна понимает, что Клоду не

до нее с такой красавицей-женой, – грустно, тихо и с опаской добавил мужчина, – все сделаем, как просишь.

Соня отдала Махмуду деньги за колбасу и, помахав на прощанье рукой, вышла из магазина. Краем глаза она увидела «неверную жену», подсматривающую за ней из-за шторы в подсобке. Выйти ей, наверное, было стыдно.

Ее бы пару веков назад сбросили в мешке со скалы в крепости в Аланье, как сотни других женщин. А теперь... Впрочем, раньше за прекрасную женщину войну могли развязать, – размышляла Соня. И не знала, что война скоро разгорится и из-за нее самой.

И один из антигероев этой бандитской разборки – режиссер Игорь Заславский – как раз сейчас слушал эротический рэп, написанный для его фильма, и завидовал Клоду, как музыканту, и как мужику, само собой.

Софья как личность оказалась даже лучше, чем Софья как тело.

Но и у мужа ее явный талант к музыке. Та, что идет на заставку к фильму, заставила сердца больно, гулко биться, задохнуться от чего-то невозможно прекрасного, запретного, опасного и трагического.

Заславский невольно сравнивал эти выраженные в музыке чувства Клода со своими по отношению к Софье. И они казались ему теперь плоскими, как два аккорда, банальными и скандальными. И ему стало стыдно. Мелкий жеребчик, недопрыгнувший ни в каком смысле до белой горячей кобылицы. Он решил поменьше попадаться Соне на глаза.

Конечно, эротический рэп, когда он его прослушал в первый раз, произвел на него нужное впечатление – он загорелся. И, конечно, занимаясь в это время сексом с Марианной, он вспоминал свое впечатление от тела Софьи на съемках.

Жена догадывалась об этом. Но и ей было чем занять мысли. Она-то тоже вспоминала тело Клода в лунном свете и как она лизала его эрегированный член. Но красавец выгнал ее тогда из спальни. И до сих пор ее раздражают обида и сомнения: была ли с его стороны порядочность по отношению к хозяину дома или же она так сильно ему не понравилась?

Так или иначе, но под стоны и вздохи другой пары оба супруга осуществили свои мечты, так и не изменив один другому.

Игорь думал потом об этом эффекте. В их личном плане эротический рэп сработал, как положено. Но тут загвоздка: другие люди не смогут представлять себе совершенные тела обоих Таубов. Ведь по контракту в титрах фильма имена «постельных телозаменителей» не должны упоминаться. То есть, для большинства людей эротический рэп не будет ассоциироваться с лучшей сексуальной сценой в его фильме.

Утром, за чашкой кофе, Игорь поделился этими мыслями с женой. Марианна покраснела, вспомнив, что она воображала под музыку. И ей было не до того, что будут представлять другие люди. Наверное, своих любимых актеров или исполнителей ролей Клода и Жизель.

– Хорошо, после фильма к телам в воображении всегда будут «придильвать» лица Таисы и Стаса. Но ведь Таубы будут и дальше работать в этом жанре. Рекламирывать диски в Интернете. Как они тогда обойдутся без картинки?

А если картинка появится, то это уже будет не эротика, а порно... И на эту территорию конкуренты их скорее убьют, чем допустят.

– Ты хочешь, чтобы их убили? – неожиданно проницательно спросила Марианна у мужа, помня его злобу на Софью, когда она отказалась с ним трахаться. – Достаточно просто раскрыть инкогнито телозаменителей, и Соньку похитят и продадут в сексуальное рабство. А Клод и сам без нее умрет.

Игорь Заславский замер, окаменел круглым лицом. Вся его внешность славного парня на глазах будто «перестряпалась» в белую маску злого шута.

И признался сам себе, что именно этого он и хочет. Как понимал он теперь Сальери, убившего Моцарта. Нет ничего горше, чем когда такая красота и такой талант принадлежат не тебе.

Но сравнительно недавнее отрезвление после периода горячей ненависти Заславского чему-то научило. Он понял главное: идя против любящих – идешь против Бога.

Когда перед Новым годом до него дошло, что Ангелы действительно заступились за Соньку, ему стало страшно. Он увидел сон, как его отбивают на кухонной доске кувалдами, чтобы положить на сковородку. И ему впервые стало мистически страшно. Может, про ад – это все сказки? Или ад – это и есть горячая ревность и зависть здесь и сейчас?

Но, так или нет, но все устроено, чтобы отсеять мусор от душ. И тяжелая, тягостная скука, овладевшая им после того, как Соня уехала, почти уничтожила его, размазала. И с того момента, как он послушал музыку Клода и стихи Сони, он опять ожил, собрался. Ему хотелось им что-то доказать, сделать самому что-нибудь этакое. Он стал соревноваться с Таубами снова. Их желание сотрудничать он воспринял как прощение. И твердо решил тогда не допускать в голову черные мысли. И вот они опять пришли. Они его простили, а он их нет?!

Ангел Марианны кинулся к Ангелам Клода и Софьи с сообщением, что у режиссера опять приступ ненависти, да еще одобренный самобичеванием. Потому что пока он ничего еще не доказал. Особенно себе. И внутренне был уверен, что фильм станет знаменитым из-за музыки и той сцены, где любили друг друга на самом деле Софья и Клод. А он просто будет вынесен наверх из-за них двоих. А хотелось бы самому. Как ни уверял себя шутливо Игорь, что нет смысла размышлять на тему «мама, роди меня обратно», что внешне он такой, какой есть – колобок с мировым именем, это не помогало погасить обиду на тех, кто смелее, красивее и умнее. А сам ты играешь роль великого режиссера, не только внутренне, но и внешне ей не соответствуя.

– Быть или казаться – вот в чем вопрос не Гамлета, – проговорил он вслух. Поскольку выдал он эту фразу поверх головы Марианны, которая подкрашивала глаза перед зеркалом, то она сочла это выпадом в свою сторону.

– На себя посмотри, – фыркнула жена и не подумала, что посыпала рану мужа солью.

Ангел Клода рванул вместе с Ангелом Марианны послушать ее мысли. Она не была злой. Она боялась потерять мужа, потому что тот мог снова перейти грань разумного. Но оба Ангела с радостью увидели, что Игорь начал внутреннюю борьбу. Желание уничтожить соперника и ту «девку», что не ответила на его чувства, он задал в себе. И Ангел Клода стал убеждать Ангела Марианны подать через нее идею режиссеру к дальнейшему сотрудничеству с парой. Например, он мог бы снять продолжение фильма о жизни Клода с Жизель, сделав второй – о жизни Клода с Софьей. Чтобы он мог получить какую-то выгоду от своей лояльности. Иначе не удержится, раскроет «тайну тел» в постельной сцене. И это сможет навредить супругам Тауб. Они явно не хотят быть секс-символами, которых отрывают друг от друга и прячут «по норкам» богатые негодяи и нимфоманки. Ради этого они отказались от видеоподдержки своей музыки и отдали доходы от тиражирования дисков эротического рэпа в чужие руки.

Но вот возникла еще одна угроза для их физического существования – интриги режиссера и мафии. А ведь Софья – беременна. И ей это идет необычайно.

Ее красота раньше была гибкой, яркой, смелой. Теперь стала словно бы расцветшей, раскрывшейся. Грудь сильно увеличилась, в овале лица появилось некое свечение.

И все это в этот момент лицезрел потрясенный портной Карл. Когда утром ему постучали в дверь ателье, он и не знал, что может быть на свете женщина красивая, как Мадонна, но неимоверно желанная при этом.

Он пил кофе в своем небольшом ателье, куда заходили в этом городе нечасто. И из-за цен, и из-за того, что большинство людей довольствуются недорогой и довольно качественной готовой одеждой.

Только немецкая пунктуальность заставляла этого немолодого мужчину какой-то невыразительной, стертой наружности приходить на работу ровно в десять и ждать «у моря клиентов». В полном смысле. Потому что многие его заказчики приезжали в Аланию только в купальный сезон. А до него еще – пара месяцев. Хотя на улице в этом году – теплынь неимоверная. Апрельская погода.

Соня смотрела на себя в зеркало оценивающе.

Талия ее расширилась, конечно, но в пропорциональном отношении все еще была довольно тонкой. И нежное желе под кожей на бедрах делало их такими округлыми, что хотелось по ним провести рукой.

Она пришла сюда заказать мужу стилизацию под камзол. И узнать, кто сошьет платье ей. Конечно же, никого рекомендовать женщине Карл не стал: пообещал, что гораздо лучше сам скроит ей комплект из платья и пелерины. И вот эта великолепная женщина в купальнике стоит перед ним! И он не может поверить, что это не во сне, а на самом деле. Остужает его только ее муж, с которого тоже нужно снимать мерки. И он смотрит на жену так, что Карл старался из опасения за свою жизнь не сделать лишнего жеста, который можно истолковать двояко.

Он понял, что перед ним, несомненно, – звезды кино. Пусть даже и будущие. И это его шанс выйти на новый уровень в профессии. Тем более, что мастерство позволяло ему решать абсолютно любые задачи.

А их Соня ставила четко. Она даже наброски фасонов принесла. И это заставило преклоняться перед ней еще больше.

Модели были в тренде, но не копировали никого. Камзол без рукавов, но и без позументов, скорее, контур его. А платье и вовсе из эпохи мадам Рекомье – свободный присборенный из легкого шифона лиф, больше похожий на повязанный на плечах шарф, и складки легкой материи от линии груди. Ведь живот ее будет продолжать расти, и его придется скрывать на кинофорумах, которые все приходятся на период беременности.

И вот поблескивающая золотом голубая тафта сзади была чем-то вроде пальто до колен, а спереди из нее нужно было сшить запах в виде двух расходящихся от груди крыльев птицы. В застегнутом виде они были как бы сложенными, а когда летнее пальто распахнуто, то изнутри оно подбито перьями страуса.

– Вы не видели, наверное, в силу своего юного возраста фильм «Маркиза ангелов»? – при обмеривании, покосившись на эскиз платья Сони, спросил Карл.

– Это был любимый фильм моей мамы. Но сама я его не видела. Зато я воочию видела самих Ангелов – два раза. И перьев у них на крыльях нет. Только энергетическое свечение по плечам, которое раскладывается в подобие крыльев при передвижении. Так что, планируя такие наряды, я просто обыграла фамилию мужа – Тауб. А до этого я успела побывать Воробьевой и Орловой. Поэтому и возникла идея перьев на подкладке и запаха в виде намека на крылья.

– О, так вы женщина-птица. Предлагаю и сзади по низу пальто сделать выступы в виде концов перьев и добавить их на воротник, а то шея будет казаться слишком голой, поскольку такая длинная, – раздумывал вслух кутюрье. – Хотя широко распахнутый присборенный шелк может быть и самодостаточным.

– Хорошо, это мне нравится. Но можно перья сделать голубыми или золотистыми?

– Есть серо-голубые в моем арсенале, – уточнил портной, – остальные придется заказывать и ждать.

– Нет, ждать нам некогда. Премьера в Москве через шесть дней. А потом мы поедем в Канны в мае. И живот мой будет тогда гораздо больше, так что присоборьте платье под грудью легким материалом.

Клод слушал их разговор, разглядывая свой будущий камзол со складкой сзади из переливающегося коричневого с золотом материала и черную рубашку с воланами и распахнутую почти до пупа.

– Знаешь, сперва мне твои замыслы насчет нарядов показались слишком экстравагантным. На ковровых дорожках большинство мужчин – во фраках и с бабочками на шее. Но сейчас я понял – ты решила создать маскирующий образ. Закамуфлировать фигуры, чтобы их невозможно было разглядеть, но при этом нам удастся выглядеть красиво в театрализованном образе. – Портной скептически улыбнулся, оглядел обоих супругов.

– Должен вас огорчить – камуфляжа из такого лука не получится. Кто вас увидит – никогда не забудет, даже если очень захочет.

– Они запомнят маркиза Ангелов и его маркизу, а не Клода и Софью, – возразила ему Соня. – Образ станет ярче лиц. Я постараюсь сделать отвлекающий макияж – с синими ресницами.

– А я стяну свою гриву в хвост, как у маркизов на картинах, – воодушевился Клод.

– Самое то! – с энтузиазмом сказала Соня. И посмотрела на мужа такими глазами, что он соскочил со своего места и, будто не заметив портного, который в силу его роста в поле зрения не попадал, впился губами в шею жены. Ее кожа в купальнике пошла мурашками, и глаза «поплыли».

Но Карл вмешался в сцену.

– Господа маркизы, у меня всего четыре дня на изготовление эксклюзивных нарядов. Так что вечную любовь можно на полчаса и отложить.

– Вечная не откладывается, – с трудом оторвавшись от жены, пошутил Клод.

– Софья, вы можете одеваться, – скомандовал Карл, – а вы, Клод, раздеваться. Ваш черед быть обмеренным.

Клод развел руками и стал стягивать клетчатую рубашку и джинсы. А Соня – натягивать черные леггинсы и свитер.

Соня подумала, не слишком ли часто в медовый месяц она врывается в «расхожие» вещи? Ведь у них сейчас период, который будет согревать воспоминания всю жизнь. А они даже не фотографируются!

И она достала телефон и начала снимать обмеривание Клода. Его великолепный торс гимнаста, его красивую длинную и мощную шею, его лепную голову. И, не удержавшись, подошла со спины и поцеловала его в шею. По позвоночнику его от неожиданности прошла волна.

Карл вздохнул, отошел и дал супругам поцеловаться снова. Ведь его эта пара заставила вспомнить молодость. Тогда у него тоже были красота и амбиции, с их же помощью, он решил осуществить. Вот только придется нанять трех швей для ускорения работы. Он стал искать в своем телефоне их номера, пока Соня покрывала поцелуями спину мужа. А он вздрагивал от этих касаний губ.

Карл опять отстранил Софью аккуратно и посмотрел в затуманенные страстью глаза ее мужа.

– Советую подумать вам об обуви. Ботинки с таким костюмом не наденешь. – Может, выбрать вместо брюк джинсы и сапоги из натуральной коричневой кожи? Это снизит пафосность стилизации под камзол. – Глаза Клода прояснились, стали сосредоточенными. – Спасибо, maestro. Как только домеряете, мы отправимся за аристократическими сапогами.

Карл, закончив измерения, потребовал за работу с молодоженами пять тысяч долларов и три из них – в качестве аванса. Ведь ему нужно было сразу оплатить услуги трех помощников. Ему не терпелось начать. Что и говорить – заказ его вдохновил. И даже окрылил.

Тем временем Насте после разговора по скайпу с матерью нужно было еще набраться храбрости и поговорить с Джемом – красавчиком-нотариусом, ведь ему предстояло, по замыслу Насти, приударить за матерью и быть достоверным.

Она рассказала о своих замыслах мужу. Влад помялся, не желая и обидеть тещу, и поддерживать двусмысленный план мести.

– А ты не подумала о том, что если мы пригласим Джема на свадьбу, то он может прийти с женой или любимой девушкой?

Настя и правда не учла такой вариант.

– Но давай просто спросим у нотариуса, сможет ли он без ущерба для себя устроить такой розыгрыш.

Влад в ответ с сомнением пожал плечами и стал собираться. Надел пиджак, поискал в шкафу галстук. Его не было в принципе, просто еще не купил. Но, вспоминая Джема, Влад вдруг устыдился своей рассеянности и неаккуратности. Настя говорила, что и отец ее – подтянутый и ухоженный, всегда в костюме. Надо купить галстук – среда его обитания меняется. Надо подстраиваться под общий стиль.

Настя с удивлением наблюдала за сборами Владислава.

– Мы пойдем к Джемму вместе. Я тебя к нему ревную, – покраснев, честно признался Влад.

– И очень хорошо, – обрадовалась Настя, – меня еще никто никогда не только не любил, но и не ревновал. Ты во всем у меня – первый. – Влад обнял хрупкую «пацанку», но строго добавил:

– Первый и последний я у тебя.

Настя улыбнулась ему в грудь. Но про себя подумала, что, чего греха таить: она хотела бы переспать с красавцем Джемом. Надо бы уточнить у Сони, нормально ли это или означает, что я Влада не люблю, как надо?

Клод и Софья примеряли обувь в магазине. Это был аттракцион для продавцов. Ножки Сони в закатанных джинсах и на каблуках заставляли их глаза масленеть. А то, как сама красавица со светлыми мелированными волосами смотрела на примерку ковбойских сапог мужем, тут же будило воображение женщин. И от этого «перекрестного огня» взглядов молодоженам не терпелось остаться наедине. Их страсть друг к другу еще и подогревали извне.

Но, вернувшись, они застали Мишу с Фредиком за столом. Малыш тут же перебрался на колени к маме, чтобы она его стала уговаривать съесть полезное. А сами супруги решили сгрызть чипсов, не желая продлевать время друг без друга. Миша по их все разгорающимся и повлажневшим глазам понял, чего они хотят, и вскоре унес малыша укачивать к себе в гостевой домик.

А Соня с Клодом начали дарить друг другу солено-перченые поцелуи от чипсов прямо в гостиную. У Софьи с утра был настрой ласкать Клода. Она наблюдала за ним в зеркале, когда он смотрел на нее в купальнике, воспринимая каждое прикосновение портного к ее телу как повод к ревности. А потом, когда он, такой невообразимо красивый, стоял обнаженным по пояс в мастерской кутюрье, на нее просто накатило желание обладания его скульптурным телом. Она хотела закрыть его собой от всего мира. Никогда ни один мужчина – даже актеры Голливуда – не вызывали в ней такого восторга от их внешности. Она не просто жаждала его, как мужчину, каждой клеточкой тела, у нее еще от совершенства каждой его черточки лица, в буквальном смысле слова, дух захватывало.

А Клод чувствовал любовь к Соне по-другому. При виде обнаженной жены у него внутри все шло волнами. И ритм нарастал, потом внизу закручивался клубок и требовал прикосновения к ней, чтобы развязаться. Кровь буквально закипала, если он ловил на ней чужой взгляд. Он считал себя обладателем сокровища, на которое все и в любой момент могут покуситься и отобрать у него. Поэтому у обоих Таубов сегодня обострилась жажда спрятать друг друга от всех.

– Софи, я должен тебе сказать, что не могу видеть, как кто-то прикасается к тебе. Я возненавидел тогда режиссера, который провел тебе рукой по бедру и спине во время пробы. А что я пережил, когда ты отдавалась капитану полиции, чтобы он закрыл дело, я даже описать не могу! И сегодня этот портной... Давай не поедем на премьеру фильма: я не смогу смотреть, как реагируют зрители на твое тело в постельной сцене. Я давно хотел тебе сказать это. Но ты уже купила материал на платье. Я вижу, как тебе хочется в Москву. И поэтому я рад, что фасоны одежды, которые ты придумала, не дают шанса демонстрировать все твои изгибы и впадины.

Мы будем только авторами музыки и текстов песен, да? Я боюсь, что тебя похитят. – Он, сидя на диване, извлекал грудь из ее бюстгалтера, клетчатая рубашка валялась на полу, а джинсы и трусы Софы оказались на лодыжках. Губы – верхние и нижние – горели от перца и соли с чипсов, перекочевавших туда с губ и пальцев Клода.

Поэтому желание Софы было нестерпимым. Она, не отвечая на его тираду, повернулась у него на коленях и буквально вжалась в Клода, с необыкновенной силой обхватив его. Она возилась с молнией на ширинке джинсов и кусала ему мочку уха в нетерпении. Челюсти ее свело от желания. Наконец член распрямился, как Ванька-встанька, и Соня приподнялась, впуская его в мокрое, горячее нутро. Он даже обжегся.

– О-о-ой, – вскрикнул Клод от неожиданности температуры.

– Это перец с чипсов, которым ты меня вымазал внизу, когда облизывал клитор, – прошептала ему Соня в ухо и впилась в губы. Но когда она их освободила, то Клод сказал, как в бреду:

– Я все время думаю, как вытравить из тебя следы других мужчин. Я больше не могу, я словно вижу их всех, вырезанных на твоем теле. – И он больно схватил Соню за бок и стал грубо ее кусать, всаживать член вглубь.

– Вот так, вот так, пусть я пройду дальше, куда никто не дотянулся, пусть я тебя ототру от них, пусть я тебя накажу за них.

И он врзался так, что Соне стало больно. Но он только сильнее стиснул ее и стал двигаться быстро и гневно. Он нашел сосок и чуть его не откусил. Его пальцы стали будто железными, они оставляли синяки у нее на коже. Софья в ответ стала вырываться и оцарапала ему грудь. Клод взвыл и грубо стал с большой скоростью и глубоко входить в нее, кусая за шею, оставляя засосы.

– Что ты делаешь! – Соня вырывалась уже всерьез. Но освободиться из этих хищных рук не могла. Ей показалось, что вернулось то время, когда ее насиловали клиенты Павла. И ужас вспыхнул в ее глазах. Неужели она опять выбрала не того парня в мужья?!

– Пусть все знают, что ты моя! – закричал Клод, извергаясь внутрь, как из брандспойта полил.

Соня упала ему на грудь и заплакала.

– Ты мне мстил, да?! За того капитана? Или за Иллариона?

– Да! – тяжело дыша и глядя на нее вызывающе, сказал Клод. – Мне это было очень надо. Потому что это во мне не заживало. Я должен был побывать на их месте. На месте их... всех.

Соня сползла с его колен и, покачиваясь, пошла в туалет, посмотреть в зеркало на нанесенные мстью следы.

– Шея была местами в синевато-багровых следах, на груди были царапины и укусы. Вслед за ней вошел Клод и показал ей на оставленные ею следы.

– Прости, – он сам с ужасом смотрел на оставленные шрамы. – Меня будто обуял гнев и похоть. Маленькая ревность к этому Карлу напомнила ревность большую. – Он не оправдывался, а говорил довольно жестко. – И я так и не понял, сегодня я выпустил из себя демонов или впустил их.

Ангел Клода виновато покачал головой.

– Зря я отвернулся, когда они начали миловаться. Тут-то нечистый и проскользнул в его мысли. И в тело?

Ангел Софьи тоже был расстроен и разозлен.

– Мы оба витали в облаках, пользуясь передышкой. – Он с опаской посмотрел на коллегу. – И что там сейчас в душе у Клода?

– Мрак. Его все еще лихорадит от желания. Сейчас опять начнется.

– Но это хорошо или плохо? – опасливо спросил Ангел Софьи.

– Он снова не удержится и войдет в нее прямо тут, в туалете. А потом поведет в спальню.

– Он так снимает стресс? – с надеждой поинтересовался Ангел Софьи.

– Он хочет невозможного – владеть ее телом и в прошлом, а не только в настоящем и будущем. Он посягает на память тела!

– Но из него сексом не выбьешь прошлую грязь. Человек же не коврик.

– Но пытаться он собирается.

И правда, посмотрев через плечо Сони в зеркало на то, как она возвращает грудь в бюстгальтер, как та пружинящее завибрировала от ее движения, Клод взвыл и снова резким ударом сзади вошел в Соню. И смотрел он, сношаясь с ней, только на колыхания груди в зеркале.

– Пока ты была больна, тебе угрожала опасность, я мог думать о тебе, как о личности. Но теперь ты стала такая... такая налитая, тело твое колыхнется так призывно! Все мужчины не могут оторваться от вида твоей груди. Как на тебя Гия смотрел! А Влад – этот скромник. И эти... молдаване. А Карл! Ты теперь просто неприлично сексапильна, ты измучила меня! – он каждое слово, произнесенное с болью, сопровождал ударом членом во влагалище. Его пальцы опять больно врезались в тело. И он все усиливал темп. Соня молча плакала. И, бурно кончив раньше мужа, разрыдалась.

Но Клод не прекращал наращивать темп. Он, не вынимая члена, подтащил жену к маленькой софе в прихожей рядом с туалетом. Положил безвольную и раздавленную Соню и стал двигаться в ней в позе ложки. И взял ее за горло, правда, не так больно, как в свое время Илларион. И стал врезаться в нее все глубже. Соня закричала еще раз, как тогда, – от страха. И тут Клод вылился в нее так, что жидкость под давлением полилась и на обивку мебели. Соня лежала не двигаясь.

– Теперь все? – зло спросила она.

– Теперь я испытал на себе твое прошлое отношение к другим мужчинам, – все еще задыхаясь, сказал Клод не виновато, а гордо.

И тут Соня улыбнулась.

– Что ж, ты правильно вошел во все роли. Хоть и не видел видео. Или видел?

– Не видел. Но угадал. И я так вел себя раньше – со случайными подругами. Теперь мы знаем друг о друге все. – Он поцеловал ее в плечо.

– Теперь я верю, что ты меня любишь. Потому что ревнуешь, – вытирая слезы, сказала Соня.

– Будем считать это сеансом взаимной психотерапии.

– С одним условием: мы все же едем в Москву. Я хочу надеть новое платье – для тебя. И с тобой. Я ведь тоже ревную. Если ты поедешь один, то я сойду с ума. И мне надо к гинекологу, если помнишь.

Клод засмеялся.

– Я клялся никогда не говорить тебе «нет».

– Ловлю на слове. А теперь надо что-то придумать с тем, что у меня вся шея в синяках и засосах.

– Отец привозил мне тональный крем, когда меня избили перед соревнованиями. Надо спросить у него название. Уверен, его можно купить.

– Кто избил?

– Другие претенденты на победу.

– Давай и мы сделаем вид, что меня избили конкуренты из-за того, что я придумала «эро-рэн», пытались получить эксклюзив. Чтобы никто не подумал, что мой муж – сумасшедший ревнивец.

Ангелы переглянулись. Никто из них своему подопечному не внушал этот дипломатический текст.

Раздался звук интуифона. Обоим Ангелам звонили одновременно. Раздался голос Архангела Уриила.

– Их ложь про конкурентов может стать опасной. Отговорите Софью от нее.

Ангел стал ей нашептывать Соне что-то о вреде обмана.

Ангел Клода ждал результатов внушения.

– Нет, отменяю выдумку про конкурентов. Зачем врагам подавать идеи? – задумчиво сказала Софья.

Ангел Клода придумывал аргументы для внушения его подопечному.

– Теперь понимаю, что навредил серьезней, чем хотел. Но я... я не мог не сделать это! Иначе бы ревность просто разорвала бы меня на куски. Но, клянусь – это было первый и последний раз. Но я придумал, чем мы оправдаем твои синяки: сделаем вид, что ставили тебе банки во время болезни, чтобы не лечиться лекарствами во время беременности. И от них остались следы. Я знаю такие банки – с магнитиками внутри. И мы поставим их на самые видные места.

– Спасибо, что не предложил сделать на месте синяков татуировки, – съехидничала Соня, – я подумаю над твоим предложением.

Георгий как раз вместе с бухгалтером подготавливал все транши денег Владу – на создание студии, на рекламу ее, на якобы покупку тысяч дисков поклонниками нового музыкального направления.

Пока финансист проводил платежи, он звонил в музыкальные журналы и журналы о кино, представлялся пиар-агентом звукозаписывающей студии и договаривался об оплаченных статьях и телеэфирах, об интервью с Софьей, Клодом, Владом, режиссером Игорем Заславским.

Он готовил информационный взрыв, оплачивал и раздувал сенсацию, даже не подозревая, что даром делает то, что обычно для звезд делают их агенты, и их услуги хорошо оплачиваются. Просто руководствовался логикой. Но он умел убеждать по-своему – сухо, четко,

начиная с суммы, которую получит издание, а не с сути нового музыкального направления. В термине «шоу-бизнес» «бизнес» – главная часть, понял Георгий.

А будущего владельца студии и его невесту волновали совсем другие вопросы. Они и не догадывались, что буквально через несколько дней станут знаменитыми. И слава их будет искусственной и большой, как грудь Памелы Андерсен.

Влад взялся один поговорить с Джемом о возможности заставить ревновать будущего тестя тещу. Джем все же не безграмотный бедняк, а весьма состоятельный юрист, к тому же ему Владислав не мог сообщить, что он не просто жених Насти, а сын Иллариона, хоть именно в этом случае как раз Джем и не стал бы тогда ему возражать.

А убедительные аргументы в голову не приходили. Ангел Влада был против такого рода инсценировок, все в душе парня переворачивалось от отвратительности предстоящих переговоров. Но и отправлять на них Настю одну он не стал. Его невеста открытым текстом сказала, что считает Джема красавцем. Раньше она видела его только в аэропорту, когда он встречал девушку, в первый ее приезд сюда по просьбе Георгия с целью «ухаживать за инвалидом». Не вспыхнула ли у нее любовь к брутальному брюнету с кудрявой головой и в чудесном костюме еще тогда? Не была ли привязанность Насти к нему самому, Владу, от неопытности? Или по команде сверху. Или за деньги – ведь ее наняли к нему няней, если на то пошло. Или вообще это разумный выбор партнера, сделанный вопреки велению сердца.

Он все время взвешивал все за и против брака. И сейчас не был уверен, что сможет изгнать всех червяков сомнения из души.

Джем сидел за столом в своей конторе и тоже перебирал варианты возможной темы «секретного разговора», о котором его попросил Влад. Самое странное, что уже когда Влад на джипе Клода и Сони ехал к нему в офис, он получил электронное письмо от Георгия, в котором тот сообщал, что компания Иллариона решила создать звукозаписывающую студию во главе с Владом и оформить ее собираются на него. Может, Владислав именно это и хотел рассказать Джемму. Но откуда он узнал? И вообще, кто он такой, этот везунчик? Соня ему подарила квартиру, а Илларион доверяет ему новое дело, не оговаривая пути отхода. Другой вариант – Влад хочет нотариально заверить брачный контракт?

Сам Джем вообще не понимал, зачем нужно жениться. Ему было заранее скучно, а ведь он на двенадцать лет старше двадцатилетнего пацана. Нет, конечно, придется. Детей он хотел скорее умом, чем сердцем. Наследники и все такое. Но ведь они – вопят! Да и наследовать пока особо нечего. Квартира в Аланье и машина у него есть, остальные части немалых заработков он тратит на удовольствия, на игру в нарды на деньги (всегда проигрывает) и на девок (в сезон). Боже, как они хороши, эти секс-туристки!

Джем обожает каждый летний вечер приводить на алые простыни своей спальни новую киску. Все равно, какой масти, лишь бы горячая была.

Иногда даже имеет их в офисе – на этом щегольском столе «под старину». Или на крошечной банкетке с изогнутой спинкой. Закинешь на спинку ноги девки, раздвинешь их и вгонишь в нее себя сверху!

Нет, перспектива усадить дома жену его явно не прельщает. Уют и хорошую еду он любит. Но все остальные аспекты брака явно не для него. Ему нравится секс с незнакомками. И секс на тридцать лет вперед он с чистой совестью не мог бы пообещать даже Анджелине Джоли.

Мысли его приняли такой оборот, что он решил сегодня же прошвырнуться в ночной клуб и «склеить» новую пассию. Или пойти сразу после встречи с Владом в тренажерный зал? Там, правда, сейчас одни немолодые немки, зимующие тут. Но если он продолжит размыш-

ления о сексе, то можно будет согласиться и на несвежее мясо. В конце концов, ведь можно выключить свет.

И тут в его дверь постучал Влад. Поздоровался. Он явно волновался и не знал, с чего начать. Сел на ту самую банкетку, на которую только что смотрел Джем. И замолчал напряженно, стиснув руки в замок и повесив их между ног.

– Давай, Влад, не тяни с твоим секретом. У меня к тебе дело появилось – Гия прислал мне письмо о тебе. Дарственная тебе снова обломилась.

Влад покраснел.

– Мое дело не из области недвижимости. На свадьбу тебя зову. Ну, и имею от Насти моей деликатную просьбу. Ее мать, теща моя – Лилия – приедет в Турцию. Пришлось позвать и тестя. Но он приедет с новой, совсем молодой женой, так что теще нужен реванш.

Джем с недоумением смотрел на замолчавшего Влада. Ему говорят про дарственную, а он – про тещу. Так что Владу пришлось озвучить и самую неприятную часть просьбы:

– Настя решила попросить тебя, как единственного свободного красавца, чтобы ты приударил за Лилией. Но не всерьез, а напоказ, чтобы бывший муж приревновал или хотя бы видел, что ею еще интересуются.

– А сколько лет Лидии?

– Сорок два. Но выглядит она моложе лет на семь-десять. Я сам ее пока только на фото видел.

– Не знаю... Кроме матери, на женщин после тридцати я вообще никогда не смотрел.

– Прости. Я так и знал, что ты откажешься. Но на свадьбу все равно приходи.

– Не обижайся. Но я думаю, что у меня на «бальзаковскую» и не встанет...

А она-то может меня захотеть. Конфуз может выйти, обидится на меня.

– Она москвичка. Уедет на следующий день, как отпразднуем. И Лилия в курсе, что для тебя это будет притворство.

– А-а. Ну а фото ее у тебя есть? – Джем колебался. Он бы и хотел угодить будущей теще парня, которому деньги сами липнут к рукам. Но очень сомневался, что сможет достоверно притвориться. Он не жигало какой-то, не стриптизер.

– Пока нет фото. Но вышлю его тебе, как только сделаю его на венчании в Москве. Здесь у нас на крыше виллы Клода и Сони будет застолье в день рождения хозяина – 20 февраля. Решили совместить – гости-то одни и те же. Придешь?

– Слушай, а если мне дамочка не понравится, может, я лучше охмурю молодую жену Настиного отца? Трахну ее так, чтоб он увидел.

– Вариант, – обрадовался Влад. – Он понимал, что получил отказ. Но в той форме, которая устроит всех.

За молодой красоткой ловелас приударил бы и так. Но это поражение надо Насте преподнести, как хорошую идею.

Попрощавшись за руку с Джемом, Влад вышел в благоухающий палисадник у офиса. Откуда-то пахло арбузом – так почему-то пахнет по утрам Средиземное море.

Настя вышла из машины, не стала ждать в ней, пошла по окрестным магазинчикам. Она схватила трубку, как только увидела имя жениха на дисплее.

Владу нравилось, что Настя никогда не «доставала» его по телефону. Не слала глупых «чмоков» и прочей ерунды, которую они оба единодушно считали «соплями в сахаре». Наверное, оба они недостаточно романтичны. Но что поделаешь – какие есть.

– Настена, я с ним поговорил. Он не уверен, что охмурять твою маму – достойную женщину – это хорошо с его стороны. Заморочит ей голову – и женщина будет страдать. Лучше он приударит за молодой женой папаши и уведет ее в укромное местечко, где и засветится. Сам предложил такой вариант. Может, твой отец к Лилии вернется после этого. Как тебе идея?

Настя почувствовала себя разочарованной. И честно спросила себя – будет ли это лучше, если кто-то еще на глазах отца станет волочиться за его «Танюшкой»? Не будет ли это новым ударом по самолюбию мамы?

– Любимый, вернись к Джему и отмени интрижку с Татьяной. Маме будет больно, когда она станет теперь ревновать не только Таню к папе, но и Джема, который не пожелал ее саму, все к той же девке.

Влад, который как раз садился в машину, вылез из нее. Он почувствовал досаду на себя, что не подумал об этом сам. И еще его встревожила реакция Насти на предложение Джема. Вдруг она хотела бы, чтобы Джем влюбился в нее саму? Вдруг свадьба – это повод увидеть красавца-брюнета.

Он вернулся в офис нотариуса. Джем болтал с кем-то весело по телефону. Может, обсуждал странное предложение, которое ему сделал Влад. Увидев его снова на пороге, он дернулся немного, что-то сказал в трубку и положил ее на стол.

– Фото получил? – улыбнулся он смущенно.

– Нет, Настя нашу идею отвергла. Она сказала, что в этом случае настанет торжество Татьяны над обоими мужчинами, которые Лилию не захотели. Все отменяется.

– И мне теперь на свадьбу лучше не приходить? – догадался Джем. – Ведь я все равно кого-то там склею.

– Тогда лучше не приходи. – В ответе Влада прозвучало явное облегчение.

– Хорошо, что ты вернулся, Влад! Чуть не забыл – мне нужно передать тебе дарственную на студию в Москве. Это – подарок на свадьбу, насколько я понимаю. Помещение и оборудование уже купили за границей. Придет оно в начале марта в Москву. Надо будет съездить туда, установить звукозаписывающие пульта, тиражирующее оборудование, заключить договора. Но все подробнее на банкете после свадьбы расскажет Георгий. Вот копия дарственной – возьми. Я ее уже решил вручить на свадьбе, но раз меня туда не зовут...

– Прости, что так вышло, – с искренним раскаянием сказал Влад. – И на свадьбу можешь прийти – кроме Лидии, свободных женщин там не будет. Надеюсь, мою жену ты клеить тоже не станешь? А Соню, сам понимаешь, Клод присушил навсегда.

– Понимаю, – сказал Джем, – но хоть вкусного поем. Рыба будет?

– Только рыба и будет. Мы познакомились с молдаванами, у которых рыбный ресторанчик. Им и закажем коктейль из разных видов морепродуктов.

– Тогда приду и буду паинькой, – пообещал Джем, улыбнувшись самой сладкой и тягучей из своих улыбок. И Влада она резанула по сердцу ревностью.

И не зря.

На следующий день Настя отправилась к Таубам и увела Софью с малышом гулять к морю, чтобы посоветоваться насчет того, действительно ли они с Владом любят друг друга или поторопились со свадьбой?

Этот вопрос мучил ее уже не первый день. Во-первых, в сравнении с эротическим рэпом Клода и Сони их записанный лепет в постели сильно проигрывал – никакой страсти и экспрессии (тот раз, когда Настя от этой музыки «озверела», не в счет). Их ахи-вскирики не шли ни в какое сравнение. Кое-где Влад даже сопел некрасиво. И ее собственная идея тайной записи их первой ночи на «стволовые клетки любви» не тянула.

Во-вторых – настоящего оргазма, до звезд в глазах, о котором она читала в любовных романах, она так и не получила. По своей или его вине? И, в-третьих, когда она пропагандировала ухаживания Джема маме, она поняла, что хочет, чтобы он отказался. Она сама его хотела. Вспомнила, как глаз от него не могла оторвать в аэропорту. Но там же и поняла, что не произ-

вела на красавца ответного впечатления и что он – не вариант для брака, что еще долго будет гулять, ну и все такое. Поэтому обрадовалась, что Влад одновременно симпатичный, но не бабник. По крайней мере – пока. Но у нее осталось сомнение – надо ли предпочесть одну ночь с тем, кто тебе нравится, жизни с надежным и интересным, по-настоящему родным человеком.

Ее любовный опыт был нулевым. И поэтому она решила прийти к Соне, считая ту «ля фам фаталь» и счастливой в замужестве женщиной. Изложив все это, отвернувшись от Софы из-за смущения, и, рассеянно глядя на море, ждала ответа, как приговора.

– Лапочка моя, – погладила ее Соня со смехом по плечу. – Да я послала Клода очень далеко, когда он решил на мне жениться. Оргазмы с ним были, но я сомневалась в нем – все же он хотел убить свою жену. И вообще, у меня только появился собственный дом в Москве после стольких ужасов моей жизни. И я думала, что не хотела уезжать в незнакомую страну с малознакомым человеком. К тому же то, что заставлял меня делать прежний муж, шло в разрез с моральными устоями. Практически, он меня сдавал своим клиентам, как проститутку, но не за деньги, а ради собственного извращенного удовольствия и для возможного шантажа коллег.

А жена Клода и вовсе отдавалась мужчинам прилюдно – ему назло. Так что у него тоже, думаю, были опасения перед тем, как жениться на мне, с моими заморочками.

Но потом мы поняли, что если расстанемся, то умрем. Когда я отказалась от Клода, думала, что осталась спокойной. Но мое сердце в самом прямом смысле слова разорвалось из-за того, что я его отшила. И еще, меня образумило то, что нас по жизни ведут Ангелы. Мы считаем их увещевания свои внутренним голосом, на деле это предупреждения тех, кто знает все наперед. И единственное, что я взяла себе за правило с тех пор, как они меня спасли, – нужно доверять интуиции. Она не наше чувство, а та информация, которая нам посылается сверху, чтобы мы не натворили бед. Так что я советую тебе помолиться прямо здесь и сейчас. И тебе помогут разобраться в твоих чувствах и предчувствиях.

– Хорошо, я помолюсь, – без энтузиазма сказала Настя, думая, что Соня от нее отделалась банальными фразами. – Я не очень в это верю. Лучше ты мне скажи, что делать.

– Ты хочешь анализ. А он всегда разрушает. Он пригоден только для вскрытия «труп отношений».

– Или представляет собой хирургическое удаление аппендикса, – съязвила Настя. Хотя ее Ангел твердил ей в ухо: «Влад лучше Джема. Он – твой».

Видя, что Настя замыкается в себе, Соня ткнула ее локтем в бок.

– Ладно, не дуйся. Хочешь «расчлененку» любви – получай.

Настя стала вся, как антенна, повернулась к ней.

– У меня в жизни была такая же ситуация выбора. И я сделала его в пользу кое-кого, похожего на Джема. Только моего первого мужа звали Павлом. Он тоже был красив и так же, как Джем, работал на преступную группировку. И ему женщина босса оттяпала член. И ему надо было жениться на девушке, которая подтвердит его алиби, что член у него есть, поскольку мафиози не знал, кто был тем якобы насильником, который проник в спальню его жены.

Так я оказалась замужем в первый день знакомства. А все потому, что испугалась остаться без дома, на улице. Парень, который хотел на мне жениться, – хороший человек и любил меня. Но пока я ждала его на остановке у интерната для сирот, откуда вышла в никуда, я вся извелась в сомнениях и ложных предположениях.

И тут появился этот красавец-принц на «отпадной» машине. И я уехала с ним. Я в него влюбилась, вся горела от желания ласк и секса. Поэтому на свадьбе, когда внутренний голос не шептал, а вопил: одумайся и беги, я гнала сомнения, стараясь не планировать плохое. Но такое плохое, как случилось, даже и запланировать невозможно.

Меня продырявили розочкой от бутылки внутри, послали к партнеру по бизнесу, чтобы он в меня кончил. И сразу у меня на глазах убили его. И меня попытался Павел прикончить, но помешал прибежавший охранник.

Я жила в ужасе месяц. А потом меня снова посылали ублажать клиентов и записывали это на видео. Причем, муж учил меня, как легко возбуждать мужчин, – я ведь, как и ты, была невинной до свадьбы.

Все это я тебе рассказываю для того, чтобы ты не думала, что можно работать на преступную группировку и не стать подонком. Пусть и красивым. Ведь, как написано в книгах по психологии, отношение человека к партнеру в любви такое же, как и отношение к миру вообще. Так что этот сладкий мальчик обязательно тебя разочарует каким-то поступком. И уж тем более не стоит обречь себя на дикие муки ревности. Твоя мать их испытала сполна с отцом. Не повторяй ее судьбу. Ты все делаешь правильно. Я ответила на твой вопрос?

– Но если есть чувства, то как определить, когда перестраховываешься, а когда – не чувствуешь то, что должен.

Соня помотала головой – мол, не знаю я.

– Если чувство есть, то оно не обязательно большое. Представь, что ты – это земля, а эмоции – семена растений. В тебя будут падать и желудь дуба, и парашюты одуванчика, то есть они все прорастут, если не попадут на камень. Будет в тебе и много полыни, и какой-нибудь куст, и большое дерево. И не от тебя это зависит, что именно приземлится на тебя. Трава сгинет за пару месяцев, от дерева так быстро не избавишься. Чувства будут прорастать в тебе, и ты не сможешь куст сделать баобабом, колючку – розой. И прими это как данность: вместе и по отдельности, в тебе будет много чувств и симпатий разной величины и длительности.

Ангел Софьи с гордостью и любовью смотрел на свою подзащитную. Какая умница!

– Это не я ей внушил. Это она сама придумала, – похвастался он Ангелу Насти.

Ангел Насти – очень полненький и молодой, в свое время на Земле погиб, пытаясь потушить пожар на своей кухне, чтобы не рванул газовый баллон и не пострадали соседи, – сделал в ответ на похвалу коллеги спесивое лицо.

– Моя Настя тоже ставит правильные вопросы. И неизвестно, кто умнее из них. Я сам у своей охраняемой учусь разумности.

Ангел Сони решил не зарожать в коллеге комплексы.

– Конечно. Поэтому они и стали подругами. Ведь лучше брать пример с той, кто прошел период недоверия к небу успешно, чем в модных журналах и книжках по психологии. Тот же Фрейд развил свою сомнительную теорию всего на одном примере. Он даже не ученый, а успешный шарлатан.

– Ну, если ты Фрейда ставишь ниже моей Насти, то... – Ангел Насти подставил ладонь, чтоб Ангел Софьи по ней ударил, как это делают подростки.

– У тебя интуифон вибрирует, – указал ему Ангел Насти на растянутый промежуток между пальцами.

Это оказался Архангел Уриил, ведающий чувствами на небесах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.